

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

Девушка
с синими
гортензиями

Приключения баронессы Корф

Амалия – секретный агент императора

Валерия Вербинина

Девушка с синими гортензиями

«Автор»

2011

Вербина В.

Девушка с синими гортензиями / В. Вербина — «Автор»,
2011 — (Амалия – секретный агент императора)

ISBN 978-5-699-47733-3

Она была актрисой, любимицей публики, столь же талантливой, сколь и красивой. Ее лицо не покидало обложек журналов, о ее украшениях слагали легенды, ее считали самой счастливой женщиной – но Женестьева Лантельм таинственным образом погибла во время круиза на яхте. Ее муж утверждал, что произошел несчастный случай, хотя ходили упорные слухи о самоубийстве или даже убийстве... Десять лет спустя по просьбе частного лица Амалия Корф, бывший секретный агент российского императора, взялась расследовать это странное дело. Казалось бы, все давно в прошлом, как вдруг кто-то начал избавляться от оставшихся свидетелей той драмы. И тогда Амалия поняла: преступник куда ближе, чем она думала...

ISBN 978-5-699-47733-3

© Вербина В., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	33
Часть вторая	40
Глава 1	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Валерия Вербинина

Девушка с синими гортензиями

Роман основан на реальном событии, которое в свое время наделало много шума. Следы этой драматической истории можно отыскать в газетах тех лет и мемуарах. Тем не менее автор должен предупредить, что книга ни в коей мере не является документальным исследованием. Это – роман, в котором имена действующих лиц изменены или вымышлены. Исключение было сделано только для главной героини драмы, чтобы читатели при желании могли найти в источниках подробности о том, как все было на самом деле.

Пролог

Вода была черна и неподвижна, как ночь, нависшая над ней. Сверху – тьма без звезд, тьма без начала и конца. Снизу – река, вытекающая из мрака и уходящая во мрак. Другого ее берега не видно, как будто тот заблудился во мгле где-то между небом и водой.

Впрочем, не только берег заблудился во мраке. Точно такое же чувство было и у человека, стоящего на этом берегу. Слева от себя он видел старое, засохшее дерево, которое, топорщась во мгле, словно заколдованный дракон, угрожающе тянуло к нему свои скрюченные ветви. С правой стороны простиралось нечто зыбкое и шелестящее, и он вспомнил, что это – камыши в речной заводи.

Человек знал, что еще может уйти, однако неодолимая сила толкала его вперед, и он двинулся к воде. Его ноги не увязали в песке, когда он шел по берегу.

Ему казалось, что до его слуха доносится невнятный шепот и вздохи, но, возможно, то было шелестом все тех же камышей. В следующее мгновение человек был уже у воды и склонился над ней, но не увидел своего отражения.

Он не оглядывался. Зачем? Дерево и камыши, оставшиеся позади, бесследно исчезли. Теперь оставались только он – и неподвижная река под беззвездным небом.

А потом человек увидел, как черная вода стала светлеть, светлеть по всей глубине, светлеть до самого дна. Там, далеко внизу, колыхались сказочные миражи. Он увидел подводные замки невероятных очертаний, белогривых лошадей с плавниками вместо ног, зеленоволосых гибких русалок, которые скользили меж причудливых растений с огромными пурпурными, алыми, золотыми цветами. И даже услышал, как беспечно и звонко они смеются там, внизу, бесконечно далеко от него.

Внезапно все исчезло, миражи потухли, и человек понял, что принял за замки, лошадей и русалок причудливую игру света и теней на дне, где на самом деле не было ничего, кроме перепутанных стеблей подводных растений. Они извивались в зеленой воде, как змеи, сытые и медлительные, но все еще опасные. Возле одного из них колыхалось что-то белое, похожее на обрывок шелка или, может быть, на тончайшую вуаль.

Миг – и белое пятно стало расти, надвигаясь. Оно поднималось все выше и выше, обретая очертания. Теперь уже можно было рассмотреть, что это не просто кусок ткани, а белое платье женщины плещется в воде. Ее лицо было смертельно бледным, глаза закрыты, распущенные волосы плыли вокруг головы темным облаком. И все же она была прекрасна, и при виде ее у человека сжалось сердце.

Она поднялась уже к самой поверхности, оказалась так близко от него, что можно было видеть родинку на ее правой щеке, очертания своевольных губ, длинные черные ресницы. Человек хотел позвать ее, но не мог вымолвить ни слова.

А потом женщина открыла глаза, и послышался ее голос:

– Спаси меня...

Он хотел броситься к ней, но был не в состоянии двинуться с места. Напрягал все силы – и даже не пошевелился.

– Спаси меня, – тихо и безнадежно повторила женщина.

– Жинетта!

Слово расколело тьму, убило наваждение, и к человеку вернулась способность двигаться. Но слишком поздно. Он видел, как глаза женщины угасли и закрылись, голова бессильно запрокинулась. Зеленые стебли-змеи обвилились вокруг нее и потянули за собой на дно.

– Жинетта!

Он бросился вниз, и черные воды сомкнулись над его головой. Человек все еще надеялся, что сумеет догнать ее, но сила, противодействовавшая ему, значительно превосходила его собственную. Он рвался, плыл, задыхаясь, ко дну, но женщина коснулась его прежде и рассыпалась на множество белых лоскутов.

– Жинетта, нет!

...Он открыл глаза и долго лежал под взмокшей от пота простыней, не слыша ничего, кроме шума крови в ушах и частого стука своего сердца. Наконец смог дышать чуть спокойнее и повернулся на бок.

По природе он вовсе не был суеверен, но этот сон снился ему уже не первый раз и всякий раз предвещал: что-то случилось. Нечто, связанное с *ней*, о чем она хочет его предупредить.

«Но что еще может быть? Последние украшения продали с аукциона в прошлом году... – Он скривился, как от физической боли. – Нет, это не из-за них, будь они трижды неладны».

Он перебрал еще несколько возможных причин того, что *она* опять явилась ему во сне, и все их отверг. А тревога его нарастала. Но тут ему в голову пришла новая мысль: «Или кто-нибудь догадался, что я убил...»

Станным образом это его успокоило. Он прикрыл глаза, представил себе суд, напыщенную речь обвинителя, лысину кюре, суемящегося палача и неподвижную черную гильотину в тюремном дворе. Да, гильотину. Потому что он убил хладнокровно, с заранее обдуманной намерением. И не одного человека, а целых пять. Впрочем, если говорить начистоту, он не считал их за людей. А вот с точки зрения закона...

С точки зрения закона, если когда-нибудь откроется то, что он сотворил, ему не миновать смертной казни. Но он подумал об этом совершенно спокойно, как подумал бы о том, что завтра опять будет солнечная погода.

«Конечно, прошло уже немало времени, но сколько было случаев, когда преступление раскрывали через много лет после того, как оно было совершено...»

И он задумался о том, как именно раскроют его преступления.

«Появляется неожиданный свидетель? Выскочка-полицейский перебирал старые дела и нашел зацепку, которую упустили из виду его олухи-коллеги? Или обнаружили отпечатки пальцев, о которых уже несколько лет везде говорят и пишут и которые я никогда не принимал всерьез?»

Он попытался вспомнить, оставил ли он отпечатки пальцев на месте преступления, и был вынужден признать, что, конечно, оставил. И не только на месте преступления, но и на орудиях убийства. Сколько угодно, господа присяжные заседатели!

«Адвокат, конечно, будет изо всех сил изворачиваться. Первое-то убийство, я думаю, теперь уже никто не докажет. Но вот остальные...»

Он открыл глаза и зевнул. Ему неожиданно стало скучно. Чего они от него хотят, в самом деле? Вот же он, ни от кого не таится, с виду человек как человек, и ни один из его друзей – да что там друзей, обычных знакомых – даже в шутку никогда не предположит, что он убил пятерых. Никого он не боится, и пусть только попробуют его обвинить!

Он повернул голову и посмотрел на светлое пятно на стене напротив кровати. Днем это был рисунок, сейчас неразличимый набросок, изображающий молодую женщину в огромной шляпе, с улыбкой на губах. Ему нравилось видеть первой эту улыбку, когда он вставал с постели. Сейчас было еще темно, но он не стал зажигать свет.

– Спасибо, что пришла, – негромко проговорил он, обращаясь к рисунку. – Я буду осторожен, обещаю тебе.

Потом он вздохнул, закрыл глаза и вскоре заснул – крепким сном без всяких сновидений.

Часть первая Свидетели

Глава 1 Август 1921-го

Блэз Гренье вставал рано. В молодости он был рыбаком и привык подниматься ни свет ни заря! И позже, когда женился на невесте с приданым, перебрался в Париж и купил небольшое кафе, он все равно не научился спать вдоволь и сколько хочется. Сон по-прежнему казался ему роскошью, ведь у него столько дел – проверить счета, отправить новые заказы, проследить за официантами, сделать замечание служанке, которая в их семье уже сорок лет, но все равно то и дело вешает его костюм не туда, где он должен быть, а в другой шкаф. Мсье Гренье был большим аккуратистом и свято верил в то, что у каждой вещи должно быть свое место. Беспорядок выводил его из себя, и тогда он начинал брюзжать, причем мог брюзжать часами, припоминая прошлые промахи окружающих и случаи, которые имели место уже совсем давно, задолго до войны. Впрочем, войну мсье Гренье не любил особо, потому что она была в его глазах наивысшим проявлением беспорядка. Его, помнится, ужасно раздражали дороговизна, преувеличенно бодрые вести с фронтов, вой сирен воздушной тревоги и налеты немцев на Париж. Кроме того, на войне он потерял одного из сыновей.

Кряхтя, мсье Гренье спустился вниз, в кафе, придирчивым оком окинул столики и стулья, протер стойку. По тротуару напротив крался пестрый кот, потом пробежала парижанка, бойко стуча каблучками. Мсье Гренье проводил ее печальным взглядом. Стыд и позор, эта современная мода – юбка чуть ли не до колена, не то что до войны, когда носили платья в пол, а то и со шлейфами. Ах, какие тогда были женщины и как они умели одеваться! Он горестно покачал головой, на всякий случай еще раз протер стойку, переставил бутылку вина, которая стояла не на своем месте, посмотрел на часы и углубился в подсчеты.

Когда пришли официанты, мсье Гренье открыл кафе и уступил место за стойкой старшему сыну, а сам перебрался в угол, откуда ему было отлично видно все происходящее в зале. Понемногу в кафе потянулись обычные посетители, многих из которых хозяин знал лично. Компания штукатуров, студент Сорбонны, Боск, бывший сторож Лувра, которого уволили вскоре после кражи «Джоконды» в 1911-м. И что вообще хорошего в этой «Джоконде»? Гренье видел репродукцию в журнале – немолодая, глаза прищурены, и выражение лица неприятное, насмешливое. Так и есть – *la vieille moqueuse*, старая насмешница. Нашли, из-за чего гнать людей с работы, тем более что картина-то нашлась, правда не сразу. Однако Боска обратно на место уже не взяли.

Хлопнула дверь, в кафе вошли трое. Гренье обернулся к сыну, незаметно подал ему знак, послав выразительный взгляд в сторону новых посетителей. Это были русские – из тех русских, которые после какой-то своей революции вынуждены были уехать из России и теперь наводнили Париж. Все их имущество, как правило, осталось на родине, куда им больше не было дороги, и они, совершенно ныне без средств, хватались за любую работу. Гренье сочувствовал им, но еще больше сочувствовал своим соотечественникам, которые купились на заманчивые обещания предыдущего российского правительства и приобрели русские процентные бумаги. Теперь эти бумаги ровным счетом ничего не стоили, потому что новое правительство большевиков первым делом гордо отказалось от всех обязательств империи. Самый настоящий беспорядок, по мнению мсье Гренье. Кроме того, русские периодически норовили улизнуть из

кафе, не заплатив, и это тоже был беспорядок. Вот почему Гренье и подал знак сыну – чтобы тот держался начеку.

– Три кофе, пожалуйста, – заказал посетитель.

– Простите, у нас принято платить вперед, – спокойно и твердо промолвил младший Гренье.

Русский посмотрел на него мрачно, но кофе оплатил. Сдачу он не взял, с вызовом в голосе попросив оставить ее себе. Однако младший Гренье родился хватом, сарказм на него не действовал, и он преспокойно сгреб мелочь в кассу.

– До чего же французы сволочи! – со злостью промолвил русский, поворачиваясь к своим спутникам. – За людей нас не считают!

– Да ладно тебе, Никол, – примирительно отозвался его спутник. – Сволочи – это союзнички большевиков латыши, которые расстреливали людей прямо на улице, на глазах у прохожих. Жена моя все это видела и с тех пор сама не своя. А французам я все прощаю за хороший кофе. И за круассаны.

– Фуа-гра у них тоже ничего, – вздохнул третий, по виду смахивающий на бывшего помещика, и даже зажмурился мечтательно.

– Э, батенька, куда нам теперь фуа-гра! Нам бы теперь не кривэ¹ от фэм², и то хорошо.

Трое изгнанников сели за столик и завели извечную беседу изгнанников тех лет – о пропавших без вести, которые изредка все-таки возвращались к близким, о знакомых, которые сумели вырваться из большевистской России, и о тех, кто там сгинул. Вспоминали, само собою, старые времена, государя императора и между делом жестоко и со знанием предмета раскритиковали поэта Тютчева за строки «блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Впрочем, Тютчева вскоре оправдали, как крупного поэта, которому позволительно порою заблуждаться. И как раз когда плативший за кофе продекламировал вслух: «Жизнь, как подстреленная птица, подняться хочет – и не может», в кафе появилось новое лицо.

Это был господин лет тридцати пяти или около того, ничем собою не приметный, если не считать того, что в его темных волосах, несмотря на молодость, виднелись седые нити. Глаза у него были серые, пронизательные и, пожалуй, даже чуточку неприятные. Мужчина окинул посетителей равнодушным взглядом и подошел к стойке. Для полноты картины следует добавить, что господин явился не один, а в сопровождении немолодой дамы с безупречной осанкой, которая умело держалась в его тени. На даме был обманчиво простенький светлый костюм, на руках и шее не имелось никаких украшений, и она спокойно взирала на мир сквозь очки, придававшие ей вид то ли гувернантки на покое, то ли преданной секретарши.

– Добрый день, – отрывисто бросил незнакомец. – Это кафе принадлежит семье Гренье, верно?

Прежде чем ответить, Антуан Гренье покосился в сторону отца и кашлянул, чтобы привлечь его внимание. В конце концов, неизвестно, что скрывается за такими вопросами.

– Ну, да, – буркнул Антуан нехотя. – А что?

– Меня зовут Пьер Видаль, я сотрудник «Пари-суар», – представился незнакомец. – Вы член семьи?

Теряясь в догадках, что могло понадобиться от их скромного заведения представителю столь популярного издания, Антуан тем не менее ответил утвердительно.

– Вам знаком моряк по имени Филипп Гренье? – задал следующий вопрос журналист.

– Это мой брат, – ответил Антуан хмуро.

– Зачем вам понадобился Филипп? – спросил из своего угла хозяин кафе и встал.

¹ Помереть (*франц.* crever).

² Голода (*франц.* faim).

Видадь обернулся на голос и увидел приближающегося невысокого сухошавого старика с седыми кустистыми бровями, который смотрел на него не сказать чтобы с большой приязнью.

– Прошу прощения, мсье, – начал журналист. – Я Пьер Видадь...

– Я слышал, как вас зовут, и читаю вашу газету, – оборвал его старик. – Так зачем вам нужен мой сын?

– Хотел бы расспросить его кое о чем, – ответил Видадь.

– Да? О чем же?

– Ваш сын в числе прочих находился на яхте «Любимая» в ночь с 24 на 25 июля 1911 года, когда там произошло памятное многим событие, – бойко отрапортовал журналист. – Мне хотелось бы узнать, что он помнит о той ночи.

Блэз Гренье насупился еще сильнее.

– Вы имеете в виду странную смерть той актрисы? – проворчал он. – Женевьевы Лантельм?

– Да. Наша газета готовит серию очерков о таинственных происшествиях прошлого, в том числе и о ее гибели. Согласитесь, это была поразительная история – неожиданная для всех смерть молодой прекрасной женщины, после чего на ее мужа, богача, магната, но темную личность, падает больше всего подозрений. Однако я решил поговорить со свидетелями, прежде чем выдвигать версии. Скажите, мсье, где я могу найти вашего сына?

У Блэза Гренье вертелся на языке резкий ответ: «На кладбище», но теперь, в ярком солнечном свете, он увидел, что лицо у журналиста изможденное, а под глазами пролегли коричневые тени. Кроме того, он вспомнил, что Пьер Видадь одно время был военным корреспондентом и находился на передовой в отличие от многих его коллег, которые пылко призывали соотечественников жертвовать собой во имя родины, а сами отсиживались в своих редакциях.

– Мой сын умер, – сказал старик наконец. Его нижняя губа задрожала. – Он погиб в море, их корабль потопила немецкая подлодка.

– О! – вырвалось у Видаля. – Простите, мсье. Я не знал.

Журналист произнес еще много слов, извиняясь за то, что потревожил семью погибшего. Старший Гренье, не отвечая, буравил его взглядом.

– Странно, что вы снова вспомнили о том деле, – сказал он наконец. – Это ведь было так давно...

– Почему? Всего десять лет прошло, – возразил Видадь. Затем он оглянулся на свою спутницу, которая за время беседы не проронила ни слова. – Скажите, может быть, вы или кто-то еще обсуждали с Филиппом, что тогда случилось на яхте? Очень ведь громкое было дело. Сын рассказывал вам что-нибудь? У него имелись какие-нибудь собственные соображения?

Блэз Гренье покосился на Антуана, и тот сразу же снял с подставки бутылку вина – одну из лучших.

– Да, поставь-ка нам на угловой столик бутылочку, – кивнул старик. – Раз уж мсье Видадь зашел поговорить о Филиппе, почему бы и нет?

Тут, казалось, он впервые заметил, что журналист явился не один.

– Надеюсь, вы тоже выпьете с нами? – обратился Гренье к даме в очках.

– Ах да, – спохватился журналист, – я забыл представить вам мою спутницу. Мадемуазель Алис, моя секретарша. Я думаю, мы сядем все втроем. Так, значит, вы обсуждали с сыном, что тогда произошло на яхте?

– Сотни раз, – ответил старик. – А вы как думали? Тогда такие толки шли обо всем происшедшем! То ли актриса покончила с собой, то ли ее муж убил, то ли имел место несчастный случай. А муж у погибшей был ого-го, сорок миллионов капиталу... Такие, вообще-то, не убивают. – Гренье усмехнулся. – Потом вдовец затеял процесс против одной газеты, которая написала, что на самом деле именно он удавил бедняжку-супругу и бросил в воду, чтобы скрыть следы. Моего сына тоже вызывали в суд, и он давал показания.

– Да, я читал материалы дела, – кивнул Видадь. – Однако подробные показания дал только капитан яхты Обри, остальные шесть членов экипажа отделались стандартными ответами: мол, ничего не видели, не слышали и не заметили.

– Семь членов экипажа, – вполголоса поправила журналиста секретарша, открывая блокнот, испещренный записями и различными пометками. – Всего на «Любимой» было восемь человек команды, считая Раймона Обри.

– Благодарю за уточнение, Алис. – Видадь улыбнулся. – Но мы все взрослые люди и отлично понимаем, что такое суд, на котором выдвинуто обвинение против миллионера, бывшего владельца нескольких газет, владельца театра и прочая, и прочая.

– Еще он сам писал пьесы, а в начале своей карьеры был таким же журналистом, как вы, Пьер, – ввернула мадемуазель Алис, поудобнее устраиваясь за столом. – Положительно, разносторонний человек.

И что-то было в ее тоне такое, отчего мсье Гренье заключил: старой даме палец в рот не клади. Наверняка она и ее патрон стоят друг друга.

– Теперь, когда его больше нет, мы наконец-то сможем написать правду, – добавил Видадь. – И сразу же скажу вам, мсье: я не верю в слепых и глухих свидетелей. Наверняка ваш сын многое видел и многое слышал, а раз так, хоть с кем-нибудь он должен был это обсудить. А то, что он сказал на суде, мы оставим за скобками.

«Верно, – вспомнил старик, – «оставим за скобками» – один из любимых оборотов репортера Видаля».

– Так что вам рассказал ваш сын? – спросила мадемуазель Алис, приготовившись записывать.

Гренье откинулся на спинку стула. Улыбнулся. Помолчал.

– Видите ли, – заговорил он наконец, – на самом деле мой сын не был ни в чем уверен.

Глава 2

Лето 1911-го

– Тогда стояла страшная жара, столбик термометра доходил до 40 градусов в тени. А за год до того, в 1910-м, в небе одна за другой появились две кометы, наводя страх на людей. Все толковали о близком конце света, и, словно чтобы оправдать самые мрачные ожидания, несчастья следовали за несчастьями. Вы, наверное, помните, как затонул «Плювиоз»³, а также ужасное наводнение, которое случилось в Париже. Сена вышла из берегов, на стенах некоторых домов до сих пор можно видеть отметки, как высоко поднялась вода... Смотришь на них сегодня, и даже не верится.

Мадемуазель Алис подняла голову и бросила взгляд на патрона. Все в порядке, успокоил ее ответным взглядом Видадь. Мол, сейчас рассказчик настраивается на воспоминания, пробует то время на вкус, как вино в своем бокале, но рано или поздно он все им поведаст, ни к чему его торопить.

Гренье смотрел куда-то перед собой рассеянным взором, покачивая в пальцах бокал с вином.

– В молодости я был рыбаком, – продолжал он. – Знаете, в жизни ведь так: или вы человек земли, или вы человек воды. Я был человеком воды. Я вообще не понимал, что такое морская болезнь, самый сильный шторм был мне нипочем. Но мои дети другие – от земли. Кроме Филиппа, который тоже любил воду. Он плавал на разных кораблях, какое-то время провел на барже, возил лес. Но это ему надоело. У него были хорошие рекомендации, и так он попал на «Любимую». В общем и целом работы там было немного. Хозяин, мсье Рейнольдс (как истинный француз, Гренье сделал ударение исключительно на последнем слове), нечасто появлялся на борту, но любил, чтобы яхта была надраена и готова к его услугам в любое время. Обычно он плавал по Рейну или по Маасу. Так вот летом 1911-го он решил бежать от жары на Рейн.

– С этого момента, – вклинился журналист, – я прошу вас рассказывать как можно подробнее, ничего не упуская. – Видадь допил бокал. – Итак?

– Путешествие началось в первых числах июля. Сначала они плыли по французским рекам, пересекли Бельгию и Голландию и затем стали подниматься по Рейну. Судно немного задержалось в Амстердаме, потом, уже в Германии, застряло в Эммерихе из-за таможи. Конечным пунктом должен был стать Франкфурт, но из-за того, что произошло, до него не добрались.

– А сама яхта, какое впечатление она произвела на вашего сына? – допытывался журналист. – Что он о ней рассказывал?

Гренье усмехнулся:

– По его словам, яхта была пижонская, если вы понимаете, что я имею в виду.

– Вы не могли бы пояснить? – попросила спутница журналиста.

– Пижонство, мадемуазель, оно и есть пижонство, – пожал плечами старик. – Видели бы вы, какие там были зеркала, какая мебель, какие ковры! Никаких гамаков, только кровати, и настоящие окна вместо обычных иллюминаторов. Я говорю, конечно, о каютах господ, экипажу-то как раз было негде повернуться.

– Скажите, мсье Гренье, сколько ваш сын прослужил на «Любимой»? – спросила мадемуазель Алис, которая быстро-быстро писала в своем блокноте.

Старик немного подумал, затем ответил:

³ «Плювиоз» – французская подлодка, которая затонула со всем экипажем в мае 1910 года. Ее гибель вызвала в обществе огромный резонанс.

– Его взяли в феврале, а в ноябре, уже после гибели жены, Рейнольдс избавился от яхты. Новый хозяин решил набрать другую команду, и вскоре мой сын ушел. Получается меньше года.

– Хм, несколько месяцев, – отметил журналист. – Все же вполне достаточно, чтобы хорошо узнать своих хозяев, не так ли?

Гренье покосился на него с иронией.

– Мсье, команда – это команда, а хозяева – это хозяева. Капитан Обри, конечно, был с Рейнольдсом на короткой ноге, но остальные себе такого позволить не могли.

– Мы хотим сказать, что яхта «Любимая» была не так уж велика, – пояснила помощница Видаля. – Наверняка матросам было хорошо известно все, что происходило в семье Рейнольдс и их друзей. Утаить что-то в столь небольшом пространстве практически невозможно, верно?

– Ну, сумели же утаить убийство, в конце концов, – возразил старик.

Журналист резко распрямился, едва не опрокинув бокал.

– Ага! Стало быть, ваш сын все-таки считал, что имело место убийство?

– Я же говорю вам – он не был ни в чем уверен, – терпеливо повторил Гренье. – Но все решили, что произошло именно убийство, только вот доказать никто ничего не смог.

– Давайте на время забудем досужие домыслы, – предложила мадемуазель Алис, переворачивая страницу в своем блокноте. – На что обратил внимание ваш сын? Что он видел, что запомнил, что показалось ему подозрительным?

Гренье хмуро посмотрел на нее:

– Знаете, Филипп говорил, что у него не было не то что подозрения, но даже тени предчувствия, что все так скверно закончится. Хозяева и гости много веселились. В салоне постоянно играло пианино, за столом подавали дорогое вино – словом, все наслаждались жизнью, пока яхта плыла по голландским водам. 24 июля «Любимая» прибыла в немецкий Эммерих, где должна была пройти таможеню. По словам Филиппа, таможенники обшарили всю яхту, считая, сколько бутылок вина, шампанского и прочего на борту. Все это сильно рассердило хозяйку и особенно – хозяйку. Было жарко, порт в Эммерихе никакой, сойти на берег нельзя... Когда наконец отделались от таможенников, все стали радоваться, как дети. Филипп говорил, что хозяйка с друзьями устроили целое представление, изображая недавний визит немцев, так что все животы надрывали со смеху. Правда, жара не спадала, все требовали напитков, и дворецкий Фонтане с ног сбивался, разнося шампанское. Яхта была небольшой, и, кроме него, прислуги больше не имелось. Правда, иногда ему помогал один из матросов.

– Там еще была горничная, – вставила мадемуазель Алис, перелистывая блокнот. – По имени... ну да, Жюли Прео.

– Так она все время задирала нос, – пожал плечами старик. – Ничего путного от нее нельзя было добиться. Она когда-то училась с хозяйкой в консерватории⁴, и та была очень к ней расположена. Какую горничную хозяева станут сажать с собой за стол?

– А капитан Обри тоже сидел за столом с хозяевами? – спросил Видаль.

– Конечно.

– На суде он дал недвусмысленные показания в пользу Рейнольдса. Ваш сын говорил что-нибудь об этом? Капитан вообще дружил с хозяином?

– Вы, наверное, удивитесь, – с расстановкой промолвил старик, – но у Филиппа, да и у других матросов, сложилось впечатление, что капитан скорее терпел общество хозяев и их гостей. Да, он всегда был любезен, всегда улыбался, но... Когда они веселились, он норовил под любым предлогом сбежать. То, говорил, яхта может сесть на мель, то надо отдать какие-то приказания, то еще что-то...

Журналист и его помощница обменялись многозначительным взглядом.

⁴ Имеется в виду знаменитое учебное заведение в Париже, в котором готовили также актеров для драматических театров.

– А каким вообще хозяином был Рейнольдс? – спросила мадемуазель Алис. – Как к нему относились люди, хотя бы те же матросы?

– Я знаю, что в Париже у него была скверная репутация, – ответил старик. – Он являлся совершенно безжалостным человеком, настоящим дельцом, и легко уничтожал конкурентов. Но Филипп говорил, что на яхте он видел самого обычного мужчину. И с матросами хозяин был вполне вежлив, и с дворецким, и с горничной. Правда...

– Что? – насторожился Видаль, от которого не укрылось, что Гренье на мгновение замялся.

– За день до гибели жены Рейнольдс поссорился с актрисой, которая была среди его гостей. Забыл, как ее звали.

– Ева Ларжильер, – пробормотала мадемуазель Алис, даже не заглядывая в блокнот.

– Да, да, точно. Утром 24 июля она даже не вышла к завтраку, но потом все же появилась.

– Из-за чего была ссора? – осведомился Видаль.

– Филипп не знал. Один из матросов сказал ему, что сначала мадемуазель Ларжильер поссорилась с хозяйкой. Рейнольдс узнал об этом и попросил гостью оставить его жену в покое.

– И все же, какова причина ссоры? – настаивала секретарша.

– Ну, что может быть причиной разногласий двух знаменитых актрис? Да любая мелочь, я думаю. Но уже днем 24 июля все было в порядке, они шутили и дурачились как ни в чем не бывало.

– А Рейнольдс часто ссорился с женой? – внезапно спросил журналист.

Вот так, сразу, типично репортерским наскоком и поставил вопрос. Не сказал «ссорился ли вообще», а «часто ли ссорился»! Чувствуете разницу?

– Да, супруги ссорились. – Интуитивно мсье Гренье ответил все же на тот вопрос, который было бы более уместно задать в данной ситуации.

– Он ее ревновал? Магнат все же был на четверть века старше актрисы.

– И она была его пятой женой, – хмыкнул старик. – Пора бы ему привыкнуть к женским капризам, как вы думаете?

– То есть он ее не ревновал? – уточнил журналист.

– Конечно ревновал. На яхте находилось несколько молодых мужчин, которые куда больше подходили ей хотя бы по возрасту, чем он сам. Один – художник, другой – актер, третий – кузен хозяина. Причем мадам всем позволяла за собой ухаживать. А еще она однажды при всех сказала, что мой Филипп симпатичный. Просто так сказала, чтобы позлить Рейнольдса, подозреваю.

– Позлить? Считаете, жена нарочно его дразнила?

Прежде чем ответить, Гренье немного помолчал.

– Филипп сказал: она играла. Мадам была такая живая, обаятельная, с огонечком в глазах. И все понимали, что с ее стороны это игра. Сын говорил, мадам всегда была в центре общества, все остальные вращались вокруг нее. Когда хозяйка уходила, гости сразу же начинали кукситься и грызться друг с другом. Им было весело, только когда она была рядом. У них у всех были ужасные лица, когда стало понятно, что мадам умерла. Та актриса, Ева, рыдала не переставая.

– Мы еще рассмотрим этот момент подробнее, – отметил журналист. И задал новый вопрос: – Скажите, ваш сын слышал, как мадемуазель Лантельм ссорилась со своим мужем и как он угрожал ее убить?

– Филипп говорил, что ему известно всего о трех ссорах. Первую даже ссорой не назовешь. Просто мадам была не в духе, когда прибыла на «Любимую», и все время твердила мужу, что терпеть не может воду, что при одном виде моря ей становится дурно и вообще путешествия на яхте не для нее. Супруг ее успокаивал и говорил, что в такую жару находиться в

Париже невозможно, на реке им будет легче, а что касается моря, то они вообще его не увидят. В конце концов мадам с ним согласилась, и больше они к данной теме не возвращались.

– А вторая ссора? – продолжал расспросы журналист.

– Вторая случилась из-за того, что мадам не понравились какие-то украшения, которые подарил ей муж. Вы же знаете, Рейнольдс ничего для нее не жалел. У нее были такие бриллианты, такие жемчуга – просто загляденье! – Гренье обернулся к секретарше: – Мы с вами, мадемуазель, будем сто лет работать, а все равно не сможем позволить себе ничего подобного.

– Когда это было? – деловито поинтересовалась мадемуазель Алис. – Я имею в виду вторую ссору.

– Через несколько дней после того, как хозяева и гости прибыли на яхту. Да, именно так.

– То есть тоже в начале путешествия, – заметил Видаль. – И последняя ссора...

– ...Произошла вечером двадцать третьего июля. Хозяин вошел к актрисе в каюту, и жена... Словом, она его выставила.

Мадемуазель Алис вздохнула.

– Хотелось бы кое-что уточнить, мсье Гренье. Нам известно, что мадемуазель Лантельм была на полторы головы ниже своего супруга и значительно слабее его. Я уж не говорю о такой мелочи, как то, что, по некоторым свидетельствам, она в то время принимала кокаин. Отсюда и живость, и огоньки в глазах, и все остальное. Но мы сейчас говорим о Жозефе Рейнольдсе, которого многие называли не иначе как колоссом. Во всяком случае, он точно обладал значительной физической силой. Вопрос: каким образом жена могла выставить его из своей каюты? Ваш сын не мог ничего напутать?

– И тем не менее, – терпеливо повторил Гренье, – именно она выставила его из своей каюты. Мой сын слышал только окончание их разговора. Актриса вытолкала мужа на палубу, он обернулся и закричал: «Ты еще об этом пожалеешь!» А она топнула ногой, подбоченилась и выкрикнула: «Импотент!» Прошу прощения, мадемуазель, но именно так она сказала.

Мадемуазель Алис выгнула тонкую бровь, задумчиво поглядела на блокнот и взялась за бокал. Видаль, однако, не смог удержаться от улыбки.

– То есть ваш сын не слышал, чтобы он угрожал ей убийством, – подытожил журналист.

– Мой сын, – с некоторым вызовом заговорил Гренье, – вечером того же 23 июля видел, как ваш колосс Рейнольдс напился и плакал пьяными слезами в компании старика, который тоже гостил на яхте. А тот его утешал и говорил, что Жинетта не в духе и надо просто подождать.

– Жинетта – прозвище мадам?

– Уменьшительное имя от Женевьева. Впрочем, на самом деле она была вовсе не Женевьева и даже не Лантельм. Правда, актриса не любила, когда ее называли по-другому. Однажды Жюли... ну, та горничная... забылась и назвала ее обычным именем, так мадам дала ей пощечину. Филиппу об этом рассказал дворецкий Фонтане, которому пришлось успокаивать горничную.

– Ваш сын не упоминал, может быть, хозяйка ссорилась с кем-нибудь еще, кроме мужа и Евы Ларжильер? – спросил журналист.

– Нет, ничего такого не было. Да и другие матросы ему вроде ничего об этом не говорили.

– Ну что ж, – сказала мадемуазель Алис, глядя на мелко исписанные листки блокнота. – Коротко говоря, на борту находились семь человек команды плюс капитан Обри, двое хозяев, пятеро гостей, дворецкий Фонтане и горничная Жюли, она же костюмерша и давняя знакомая жертвы. Итого семнадцать человек в замкнутом пространстве яхты «Любимая», которая плывет по Рейну. Из-за чего-то мадемуазель Лантельм ссорится с другой актрисой, Евой Ларжильер. О ссоре узнает ее муж и, судя по всему, ставит мадемуазель Ларжильер на место. Это происходит днем 23 июля, а уже вечером сама мадемуазель Лантельм ссорится с мужем. Наутро Ева не выходит к завтраку, но потом все налаживается, пассажиры веселы и довольны, шутят и

дурачатся. Включая мадемуазель Ларжильер, которая недавно по неизвестной причине поссорилась с Лантельм, и включая Рейнольдса, которому накануне бросили в лицо самое обидное для мужчины обвинение. Так?

Старик кивнул и сердито сказал:

– Насчет последнего тем не менее правда. Филипп говорил, что хозяйка иногда выпускала когти, как кошка, и могла обидеть человека, но потом умела подольститься, тоже как кошка, и человек обо всем забывал. Сын говорил, что никто не мог держать на нее зла. В ней было столько обаяния, что она могла любого покорить. Один из матросов сказал ему, что перед завтраком в тот последний день хозяйка что-то нашептала хозяину, и он поцеловал ей руку, а потом весь день смотрел на жену влюбленными глазами, как школьник, хотя был уже немолодым человеком.

– Ваш сын говорил, – мадемуазель Алис заглянула в блокнот, – что у него не было даже тени подозрения, что все закончится так скверно. А ему не приходило в голову, что события вечером 24-го могли быть следствием того, что случилось накануне, 23-го числа?

Прежде чем Гренье успел ответить, заговорил мсье Видаль, поясняя вопрос помощницы:

– Сначала хозяйка ссорится с мужем, а наутро они мирятся. Вечером, когда все расходятся, Рейнольдс снова приходит к жене. Та опять пытается его выставить и, возможно, произносит те же обидные слова. В бешенстве мужчина хватает ее в охапку и выбрасывает в окно. Кстати, именно такова была одна из версий драмы – что супруг выбросил актрису в окно, и она утонула. Во всяком случае, сил ему на такие действия вполне хватило бы.

– Знаете, – с какой-то беспомощностью проговорил Гренье, переводя взгляд с журналиста на его помощницу, – я могу только повторить вам то, что слышал от моего сына. А Филипп много раз с подробностями рассказывал мне, как прошел тот последний день на яхте. Но он не видел, чтобы мсье Рейнольдс выбрасывал свою жену в окно, и я... у меня нет права выдумывать за него.

– Хорошо, – кивнула мадемуазель Алис. – Так что же именно видел ваш сын в тот вечер?

Глава 3

Рейн, 24 и 25 июля 1911 года

– После четырех часов дня яхта покинула Эммерих и поплыла дальше, по направлению к Везелю. Между этими городами по реке километров пятьдесят, и все время приходится идти против сильного течения. «Любимая» двигалась медленно, и мсье Обри рассчитывал добраться до Везеля поздно вечером. Было жарко, и пассажиры устроились на корме под тентом. Мадемуазель Лантельм забрала у капитана фуражку, надела ее и вместе с мадемуазель Ларжильер и ее другом-актером устроила целое представление, передразнивая визит таможенников. Филипп говорил, что он в жизни не видел ничего более уморительного.

– А дворецкий, как вы говорили, в это время разносил напитки, – заметил Видаль. – Только шампанское или что-нибудь покрепче?

– Филипп упоминал только шампанское и лимонад, – подумав, ответил Гренье. – Не знаю, может быть, там было что-нибудь еще.

– Продолжайте, – попросила мадемуазель Алис. – Что было дальше?

– После представления хозяева и гости болтали и смеялись. Говорили о театральные постановках, обсуждали отсутствующих знакомых. Но вы сами понимаете: мой сын мало что слышал, так, только обрывки. Кажется, обсуждали новую пьесу, и хозяйка сказала мадемуазель Ларжильер: «Ты, конечно, будешь играть внучку». Подошло время ужина, но в каютах было душно, и пассажиры решили, что будут ужинать на палубе. К тому времени начало свежеть, и хозяйка попросила бросить якорь прямо посреди реки. Мсье Обри был против. Капитан сказал, что их будет сносить течением. Но хозяин заявил, что, раз его жена так хочет, он не собирается ей перечить и другим не советует.

– Яхта ведь могла причалить к берегу, – заметил Видаль. – Разве нет?

Гренье усмехнулся:

– Так ведь берег-то был немецкий. Хозяйка объявила, что она уже видеть не может немцев. Ей не понравилось, что таможенники захотели осмотреть и ее вещи тоже, заглядывали к ней в каюту и прочее. Филипп запомнил ее слова: «И вообще, я хотела бы сейчас быть в Париже, где меня так любят».

– Ваш сын просто бесценный свидетель, мсье, – сказала мадемуазель Алис без тени улыбки. – Итак, яхта стала на якорь. В котором часу это было?

– Около восьми. На палубе накрыли стол, который перенесли из салона, мой сын как раз помогал его переносить. Дворецкий Андре Фонтане ворчал, что уже замаялся бегать туда-сюда и что он не простой слуга, в конце концов. Сами понимаете, высказывал свое недовольство Андре только в присутствии матросов, а при хозяевах сразу же «надевал» на лицо улыбку и кланялся. За столом, как обычно, собралось девять человек: хозяин, хозяйка, капитан Обри, горничная Жюли, мадемуазель Ларжильер и ее спутник – молодой актер, потом кузен хозяина, старик и еще один гость, который художник. Ужин прошел весело, потому что до Филиппа то и дело доносились взрывы смеха. Сын в это время находился на палубе, – пояснил мсье Гренье, – но не рядом с господами.

– Скажите, – вновь заговорил журналист, – за ужином подавали много напитков?

– Ну, шампанское точно было, и вино тоже.

– Пассажиры много пили в тот вечер? Кто-нибудь из них шатался, когда встал из-за стола? Или, может быть, плохо стоял на ногах?

– Да, хозяин пил больше обычного. И еще актер. Тот тоже ни в чем себе не отказывал. Но Филипп говорил, что не назвал бы их пьяными. А дамы пили очень умеренно. Мадемуазель Ларжильер, по-моему, вообще пила только лимонад и воду.

– Что было после ужина? – спросила мадемуазель Алис.

– Все жаловались, что в каютах очень жарко, просто невозможно спать. Старик предложил постелить матрасы прямо на палубе, и гости принялись шутить по этому поводу. Вмешался капитан Обри и сказал, что, по его мнению, скоро будет гроза, так что нет никакой нужды переносить на палубу кровати. Все от него отмахнулись, а хозяйка объявила, что капитан делает все, чтобы испортить им отдых. Однако вскоре и в самом деле стало ясно, что надвигается ливень. Хозяева и гости ушли в салон, а мсье Обри воспользовался этим, чтобы поднять якорь и поплыть дальше. Неожиданно стало совсем темно, и разразилась сильная гроза. Ежеминутно грохотал гром, но все же не мог заглушить звуки музыки, которые доносились из салона. Из-за скверной погоды плыть по бурной реке теперь было попросту опасно, и Обри приказал вторично бросить якорь. Рулевой смог отыскать недалеко от берега какое-то подобие бухты. Впрочем, на ночь яхта все равно должна была остановиться. Гроза немного стихла, но дождь продолжал идти. Капитан ворчал, что, если бы не остановка посреди Рейна из-за каприза мадам, он бы уже сегодня привел яхту в Везель. Наконец он удалился, приказав в случае чего будить его. Было уже за полночь. Примерно тогда же начали расходиться и гости. Первым ушел старик, за ним потянулись и остальные. Пианино сыграло в последний раз и умолкло, а потом было слышно только дождь.

– А что делал в это время ваш сын? – поинтересовался журналист.

– Мой Филипп тоже ушел спать. По правде говоря, в тот день он вымотался и вымок, и ему уже было ни до чего. Он уже засыпал, когда внезапно услышал женский крик. Даже не крик, а вскрик, который донесся до него сквозь шум ливня. Филипп сразу же стряхнул с себя сон. Первая его мысль была: что-то случилось с яхтой, судно тонет. Он натянул на себя одежду и выскочил на палубу. Там были двое: мсье Буайе, кузен хозяина, и художник. Они спросили, слышал ли Филипп что-нибудь, и сын честно ответил, что да. Кузен хозяина фыркнул: мол, наверное, это Ева развлекается со своим любовником. Мсье Буайе имел в виду молодого актера, – на всякий случай пояснил Гренье. – Однако художник, мсье Леопольд, возразил, что крик донесся со стороны носовой части, а не из каюты мадемуазель Ларжильер, которая расположена ближе к корме. Филипп взял фонарь, и втроем мужчины направились на нос, где находились каюты горничной и хозяйки.

– К кому мужчины зашли сначала? – уточнила мадемуазель Алис.

– До каюты горничной было ближе, поэтому к ней первой художник постучал в дверь. Мадемуазель Жюли ответила не сразу. «Может быть, ей просто стало плохо?» – подумал вслух мсье Буайе. – А мы тут ломаем себе голову...» Однако горничная вскоре приоткрыла дверь. На мадемуазель Жюли была ночная рубашка и красивый халат, который ей подарила хозяйка. Горничная объяснила, что уже легла, и недовольно спросила, чего ради им вздумалось ее беспокоить.

«Вы кричали? – спросил мсье Леопольд. – Нам послышался женский крик. И матрос, – художник указал на Филиппа, – тоже его слышал». Мадемуазель Жюли изумилась и сказала, что она не кричала. Мужчины переглянулись. «Может быть, с Жинеттой что-то неладно?» – предположил тогда мсье Леопольд. «Об этом, наверное, лучше знать ее мужу, – проворчал кузен хозяина. – Что мы вообще тут делаем, под дождем?» Но мсье Леопольд упрямо направился к каюте мсье Рейнольдса. Буайе и мой сын волей-неволей последовали за ним.

– А сейчас, – попросил журналист, который очень внимательно слушал все, что вспоминал старик Гренье, – я попрошу вас рассказывать как можно более подробно и ничего не опускать. Художник Леопольд Эттингер, Ролан Буайе и ваш сын идут к каюте Жозефа Рейнольдса. Кто постучал в дверь – Эттингер?

– Да. Буайе продолжал ворчать, мол, Жинетта, наверное, уколола себе чем-нибудь палец, а они тут переживают.

– Дверь открылась сразу же? – допытывался Видаль.

– Нет, через пару минут.

– Рейнольдс стоял на пороге? Как именно он выглядел?

– Он был в халате, на ногах – турецкие туфли без задников, – ответил Гренье. – Волосы у него были взъерошены. Ну, обычно, в общем-то, выглядел. А какой бы у вас был вид, если бы вас во втором часу ночи подняли с постели?

– Волосы были сухие или мокрые?

– По правде говоря, Филипп не помнил. К тому же света было не так много, чтобы заметить подобные мелочи.

– Ваш сын видел его каюту? Что-нибудь в ней показалось ему странным, не таким, как обычно?

– Так ведь Рейнольдс их не пустил внутрь, – ответил Гренье. – Просто зевнул, прикрыл рукой рот и спросил, в чем дело. Мсье Леопольд ответил, что им послышался женский крик и они беспокоятся за его супругу.

– На яхте у мужа и жены были отдельные каюты? – уточнил журналист.

– Да. У нее была первая от носа каюта, у него вторая. Ее каюта была поделена на две части – на туалетную комнату и собственно спальню. При входе в ее каюту надо было подняться на три ступеньки.

– Продолжайте, прошу вас. – Мадемуазель Алис не отрывалась от блокнота. – Какова была реакция хозяина, когда Эттингер сообщил ему о крике?

– Мсье Рейнольдс заворчал, мол, какой-то вздор, лично он ничего не слышал. Мсье Буайе предположил, что мадемуазель Лантельм просто стало дурно. Рейнольдс коротко выругался и сказал, что надо просто посмотреть, каюта жены рядом. Он подошел к двери и постучал. Безрезультатно. Хозяин постучал сильнее и крикнул: «Жинетта, открой! Жинетта, с тобой все в порядке? Жинетта, ответь!» Никакого отклика. Рейнольдс потряс дверь, потом наклонился, попытался заглянуть в скважину. «Ничего не видно, изнутри торчит ключ, – сообщил он. – Но почему она не отвечает? Жинетта!» – «Наверное, с ней что-нибудь случилось...» – пробормотал Буайе. Рейнольдс толкнул дверь, та не поддавалась. Он отошел назад, с силой ударил створку плечом, потом еще раз и еще. Дверь распахнулась. Ключ торчал в замке, окно было открыто настежь, и в него хлестал дождь. На спинке одного из стульев висело ее белое шелковое платье, то самое, в котором актриса была за ужином. На ковре возле окна валялась белая туфелька. Рейнольдс изменился в лице, побежал в смежную комнату, крича: «Жинетта! Жинетта!» Однако и в спальне женщины не оказалось. Все остальные протиснулись в туалетную комнату. Мсье Леопольд подбежал к окну, потом направился к спальне, но не стал туда входить. Все совершенно растерялись, и несколько минут были слышны только бессвязные восклицания. Мсье Буайе рухнул на стул и бормотал: «Этого не может быть! Этого не может быть! Она была такая веселая за ужином!»

– Один вопрос: ваш сын точно видел ключ в замке? – перебила рассказчика мадемуазель Алис.

Гренье кивнул:

– Дверь была заперта изнутри, нет никаких сомнений.

– Что ваш сын рассказывал о туалетной комнате? Я имею в виду размеры, обстановку и прочее.

– Комната небольшая, по очертаниям ближе к треугольной форме, – сказал старик, подумав. – У стены стоял большой шкаф, привинченный к полу, в нем мадам хранила одежду. Еще там имелись стол, несколько стульев и, по-моему, кушетка. Пол был покрыт персидским ковром.

– Когда ваш сын вошел вместе с Буайе, Рейнольдсом и Эттингером в каюту мадемуазель Лантельм в ту ночь, что-нибудь привлекло его внимание? – быстро спросил Видаль.

– Если вы о следах борьбы, то их не было, – ответил старик Гренье. – Я имею в виду, что мебель стояла на своих местах, стулья не были опрокинуты, и вообще все выглядело так, словно хозяйка просто куда-то отлучилась.

– А что со столом? – поинтересовалась мадемуазель Алис.

– Стол находился под открытым окном, но он и раньше там стоял. Пахло какими-то нежными духами. Потом горничная сказала, что один из флаконов был открыт и опрокинут.

– Флакон стоял на столе? – допытывалась секретарша.

– Да. Там же лежали разные коробочки – с пудрой и прочими женскими причудами, накладки для волос, зеркала и прочее.

– Как именно выглядел стол? Большой, маленький, широкий, узкий?

– Красивый столик с резьбой, – подумав, отозвался Гренье. – Но подробностей Филипп не упоминал.

– Жаль, – заметила спутница журналиста. – Потому что как раз стол играет в этой истории заметную роль.

– Серебряная коробка... – вполголоса напомнил журналист.

– Ваш сын видел в каюте открытую серебряную коробку овальной формы, в которой лежали шпильки? – спросила мадемуазель Алис. – Она из двух частей, со съемной крышкой. Верхнюю часть ведь так и не нашли.

– Мы говорили с ним о той коробке, – признался Гренье. – Но Филипп сказал, что не помнит. Может быть, просто не обратил внимания, на столике было много всего. Кроме того, мсье Леопольд что-то оттуда забрал.

Журналист резко выпрямился:

– В каком смысле – забрал?

– Взял что-то со стола, когда подходил к окну, – терпеливо пояснил Гренье. – И сказал несколько слов Буайе, но совсем тихо. Тот что-то ответил вполголоса, мой сын не разобрал. Сам Филипп подошел к столу уже после мсье Леопольда и, конечно, не осмелился что-либо спрашивать.

– Интересно... – уронил Видаль.

– Ваш сын не видел, что именно забрал Леопольд Эттингер? – спросила мадемуазель Алис.

Гренье покачал головой:

– Нет. Но, во всяком случае, явно что-то небольшое, потому что мсье Леопольд сразу же спрятал ту вещь в карман.

– Еще один вопрос, – добавила мадемуазель Алис. – Филипп, случайно, не рассказывал, был ли рядом со столом стул и как именно он располагался?

– Рассказывал, – кивнул Гренье. – Стул, на котором обычно сидела мадам, стоял перед столом боком. – Старик немного помедлил, затем добавил: – Кстати, если вам интересно, когда мсье Леопольд подходил к столу, он развернул стул и поставил его, как тот стоял раньше. Все произошло очень быстро, потому что уже в следующее мгновение мсье Рейнольдс выбежал из спальни жены и стал говорить, заикаясь от волнения, что надо опросить всех – может быть, кто-то видел Жинетту, она наверняка куда-то вышла. Все понимали, что произошло несчастье и ничего уже нельзя изменить, но никто не осмеливался сказать это вслух. Поэтому Буайе побежал будить гостей, а Филиппа послали за капитаном.

– Мы не обсудили еще один вопрос, – вмешался Видаль. – Окно. Правда ли, что яхта «Любимая» была сконструирована таким образом, что окна находились достаточно высоко?

– Да, – ответил Гренье. – В туалетной комнате хозяйки пол, как вы помните, был выше на три ступени, но все равно окно находилось не низко, тем более что и сама хозяйка была невысокого роста.

– Иными словами, – подытожил журналист, – она никак не могла выпасть в окно сама. А ведь выдвигалась версия, что актриса захотела подышать свежим воздухом, поэтому открыла окно, взобралась на туалетный столик и села на окно спиной к реке. Только вот авторы сей замечательной версии забыли главное – речь идет о ненастной ночи, когда лил дождь. Вы можете себе представить человека, который во время ночного ливня станет распахивать окна и высовываться наружу?

Гренье развел руками со словами:

– В этой истории вообще много странного, мсье. А я могу рассказать вам только то, что говорил мой сын. Боюсь, знал он не так уж много.

– Кстати об окне, – вмешалась мадемуазель Алис. – Ваш сын ведь видел его вблизи. Были ли на нем какие-то следы, к примеру, царапины на раме, или трещины на стекле, или...

– Я понял, – кивнул старик. – И мы с Филиппом тоже это обсуждали. Но окно было таким же, как и всегда.

– Однако в прессу все же просочились сведения о разбитом стекле в каюте мадемуазель Лантельм, – хмуро заметил Видаль. – У вас есть объяснение по данному поводу?

– Речь шла о другом окне, в спальне, – ответил Гренье. – Там действительно треснуло одно стекло – сразу после того, как покинули Амстердам. По словам хозяйки, в стекло ударились какая-то шальная птица. Но оно не разбилось, там была небольшая трещина, вот и все.

– Давайте снова вернемся к событиям роковой ночи, – попросила мадемуазель Алис. – Ваш сын пошел за капитаном Обри... Что было дальше?

– Капитан встал с постели, выслушал Филиппа и отправился поднимать остальных матросов. Один из них должен был ночью оставаться на палубе, но на месте его не оказалось. Он сначала говорил, что просто отлучился на минуту, но в конце концов признался, что промок до костей и спрятался от дождя в кубрик. По этой причине он не мог сказать капитану ничего вразумительного. Замечу: будь он на своем посту, не исключено, что тревогу удалось бы поднять раньше, и, может быть, мадемуазель Лантельм сумели бы спасти. Капитан Обри очень рассердился. Напустился было на матроса, но внезапно умолк и буркнул: «Впрочем, может быть, и хорошо, что тебя там не было». Его фразу Филипп слышал собственными ушами.

– Как по-вашему, что капитан имел в виду? – спросил журналист.

– Филипп понял его слова в одном смысле – в тот момент капитан не верил, что хозяйка могла случайно выпасть из окна. Если бы матрос находился на своем месте, то мог бы увидеть слишком многое, и неизвестно, чем бы это для него обернулось. Тем временем Буайе поднял остальных гостей и сообщил им, что с хозяйкой случилось несчастье. Он сам, мсье Леопольд, дворецкий Фонтане, горничная Жюли, мадемуазель Ларжильер, ее актер и старый мсье – Филипп не помнил его фамилии – собрались в салоне. Через какое-то время туда пришел и Рейнольдс, но никто не мог сообщить ему ничего утешительного. Никто, конечно, не видел мадемуазель Лантельм после того, как та поздно вечером ушла к себе. Старик сказал, что она не умела плавать и, если выпала в окно, наверняка уже утонула. Может быть, он был прав, но ему не следовало так говорить о хозяйке, которую все видели живой и здоровой еще каких-то пару часов назад. Рейнольдс чуть не набросился на старика с кулаками, его оттащили. Потом пришел капитан, и хозяин стал требовать, чтобы Обри сразу же отправился на поиски его жены. Ему пытались возражать, что стоит ночь, в воде ничего не видно, но магнат стоял на своем. Мсье Буайе пытался его уговорить, но тут Рейнольдс сломался окончательно, с ним случилась настоящая истерика. Он кричал, мол, как они не понимают, Жинетта, может быть, еще жива, говорил тысячи безумных вещей, вроде он все знает о них, а потом потерял сознание.

– Что значит – «он все знает о них»? – подняла брови мадемуазель Алис.

– Это Филиппу рассказывал дворецкий, сам Филипп не слышал слов хозяина, – пояснил старик Гренье. – В общем, Рейнольдс разошелся, кричал, что все его гости – прихлебай и паразиты, обозвал мадемуазель Ларжильер старой шлюхой... простите, мадемуазель Алис... ее

любовника обругал последними словами, так что тот не знал, куда деваться, наорал на кузена... Когда Рейнольдс потерял сознание, его отнесли в каюту. Жюли принесла нюхательную соль, и вместе с Фонтане они привели хозяина в себя. Тот, едва открыл глаза, спросил, нашел ли Обри его жену. Да, да, сказал не «тело жены», а именно «жену». Волей-неволей капитану пришлось подчиниться. Всю ночь «Любимая» бороздила Рейн, матросы с фонарями всматривались в воду, но тела нигде не было. Никто на яхте не спал. Один раз матросу показалось, что он видит в воде женщину, но это оказалась старая коряга. Люди устали и измучились от дождя и вынужденного бодрствования. Дождь прекратился только под утро. Рейнольдсу дали успокоительное, и он наконец смог забыться сном. Остальные стали совещаться, что делать дальше. Художник с немецкой фамилией сказал, что необходимо заявить властям о случившемся, иначе у них могут быть неприятности. Горничная подала мысль вызвать из Парижа личного доктора хозяина, потому что мсье Рейнольдс совсем плох. Буайе велел капитану пристать к берегу у первого же населенного пункта, чтобы художник и в самом деле отправил врачу телеграмму. «А мать? – внезапно спросил старик. – Вы забыли о несчастной матери нашей Жинетты. Кто сообщит ей?» Все переглядывались, пряча глаза. «Хорошо, – сказал мсье Леопольд, – я отправлю телеграмму ей тоже».

«Вы сошли с ума? – закричала мадемуазель Ларжильер. – И что вы напишете? «Сожалеем, ваша дочь умерла, упав в воду»? Вот так, без подготовки?» – «Вы правы, – кивнул Буайе. – Так нельзя. Леопольд, дайте телеграмму... не знаю, что Жинетта больна, что ей плохо. Придумайте что-нибудь!» Яхта пристала к берегу у небольшой деревни под названием Мариенбаум, и мсье Леопольд пошел отправлять телеграммы. Он настаивал на срочной отправке и вручении, и ему пришлось оплатить обе телеграммы по тройному тарифу. Когда художник вернулся на яхту, капитан принял решение возвращаться в Эммерих и там заявить о случившемся в полицию.

– Почему в Эммерих, а не в Везель, например? – спросил Видаль.

– В Эммерих было проще плыть – по течению, – пояснил Гренье. – Кроме того, капитан сказал, что тело в любом случае отнесет ближе к Эммериху. Яхта набрала ход и через несколько часов вернулась в уже знакомый порт. Посредником опять выбрали мсье Леопольда, потому что он говорил по-немецки. Мсье Рейнольдс настоял на том, что пойдет с ним. А еще велел распространить везде информацию, что даст тысячу марок тому, кто поможет обнаружить тело его жены. На яхте все были угнетены. Никто больше не осмеливался касаться пианино, а тем более шутить. Мадемуазель Ларжильер плакала навзрыд, горничная ее успокаивала. Хозяин после визита в полицию не выходил из своей каюты. Кое-кто из гостей стал втихомолку говорить о том, что достаточно уже путешествий и пора вернуться в Париж. Филипп слышал, как художник, мсье Леопольд, сказал: «Кто бы мог подумать, что все так кончится».

Глава 4

Шпилька

– А тем временем, – сказал Видаль, – в Париже стало известно о телеграмме, посланной на Брюссельскую улицу доктору Морнану, личному врачу семьи Рейнольдс. Но даже журналисты отказывались поверить в то, что самая красивая, самая обаятельная актриса Парижа, которой прочили блестящее будущее, могла так нелепо, так трагически погибнуть. И вечерние газеты хоть и вышли с крупными заголовками на первой странице, но выражались осторожно: «По непроверенным данным, мадемуазель Лантельм стала жертвой несчастного случая». После чего новость, обросшую самыми фантастическими слухами, передали телеграфные агентства всего мира. Знаменитая актриса Лантельм утонула, купаясь в Рейне... Нет, женщина была на лодке вместе с супругом, лодка перевернулась, актриса утонула, муж едва не погиб, пытаясь ее спасти... Неправда, возражали третьи, тонула не лодка, а сама яхта... В общем, закрутилась карусель.

– Насколько мы знаем, Рейнольдс в категорической форме запретил пускать на яхту своих бывших коллег – журналистов, – взяла слово мадемуазель Алис. – Но как минимум одному из них, репортеру немецкого издания, удалось обойти запрет.

Гренье насупился.

– Это не мой сын пустил его, – проворчал хозяин кафе.

– А кто?

– Жан Буске, другой матрос. Журналист пообещал вести себя тихо и дал ему денег. Ну, Буске и провел его прямо в каюту мадам. Получилось скверно, потому что хозяин услышал шаги за стеной и стал кричать, что там ходит мадам. Еле его успокоили. Мадемуазель Ларжильер поняла, что на яхте посторонний, и пошла выяснять, в чем дело. Она бы точно выцарапала Буске глаза, но Жан малый ушлый – спрятал репортера в шкаф, а сам стал у дверей и заявил, что просто охраняет каюту, чтобы никто туда не пролез. Репортер ему очень хорошие деньги дал, – прибавил Гренье.

– Именно этот репортер позже написал, что окно в каюте находилось высоко и само по себе узковато для того, чтобы в него можно было просто выпасть, – напомнила секретарша. – И сделал вывод, что тут вовсе не несчастный случай, а самоубийство. Однако все, кто знал погибшую, решительно отрицали, что она могла покончить с собой. У нее был муж-миллионер, имевший большое влияние в театральных кругах, на сцене она играла первые роли, ее лицо было на обложках журналов, об украшениях актрисы ходили легенды. Наконец, все свидетели говорили, что накануне своей гибели мадам была весела, как никогда. Таким образом, если самоубийство исключалось, а в несчастный случай как-то не очень верилось, оставалась только одна версия случившегося: убийство.

– Поэтому немецкие власти решили провести следствие, – кивнул Гренье. – 26 июля на яхту явились трое: следователь, его помощник, который вел протокол, и фотограф. Они объяснили, что в их обязанности входит установить, что же именно произошло на борту «Любимой». Филипп мне потом говорил, что полицейские находились там вовсе не для проформы. Следователь тщательно осмотрел место происшествия, фотограф сделал снимки, а потом следователь с помощником несколько часов подряд допрашивали всех присутствующих. Следователь сразу же сказал, что Рейн нечасто отдает то, чем завладел, так что есть вероятность, что тело не найдут. Мадемуазель Ларжильер попросила не говорить этого Рейнольдсу, потому что тот не желал возвращаться домой без тела жены. В ответ следователь спокойно сказал, что пока расследование не будет закончено, никто вообще не имеет права покидать пределы Германии. Его слова очень не понравились мсье Буайе и актеру, которые спали и видели, как бы поскорее убраться с «Любимой». Вечером, допросив всех, следователь и его сопровождавшие

удалились, а мсье Леопольд отправился на вокзал – встречать доктора Морнана, который как раз должен был приехать. Кроме того, хозяин поручил ему отправить несколько телеграмм.

– Ну да, высокопоставленным лицам, – заметил журналист с иронией в голосе. – Тем самым, кто и помог, по слухам, замять дело.

– Филиппу было неизвестно, кому именно мсье Леопольд отправлял телеграммы, – спокойно проговорил старик Гренье. – Через пару часов художник вернулся и привез с собой доктора, который долго добирался до Эммериха и был крайне раздражен, что его оторвали от семьи. Доктор ушел к Рейнольдсу и о чем-то долго с ним разговаривал. А утром на «Любимую» снова явился следователь, который принес с собой телеграмму. В ней сообщалось, что тело мадемуазель Лантельм было найдено возле какой-то деревни с труднопроизносимым немецким названием.

– Обермёрмтер, которая расположена недалеко от городка Рес, – вставила секретарша. – Деревня находится между Везелем и Эммерихом. Тело обнаружили вечером 26 июля, а следователь известил Рейнольдса 27-го числа. Что было дальше?

– Хозяин настаивал на том, чтобы немедленно отправиться за телом жены, – объяснил Гренье. – Следователь сказал, что не возражает, но ему также необходимо видеть тело, так что он поплывет вместе с Рейнольдсом. Полицейский послал записку местному доктору, который тоже прибыл на яхту, и тогда «Любимая» поплыла к Обер... ну, вы меня поняли. Все жители деревни ждали их на берегу, забросив дела. Там ведь живут простые рыбаки, совсем ничего не происходит, а тут вдруг такое... Ну и, само собой, тот, кто нашел тело, уже мечтал, как распорядится своей тысячей марок.

– Кто это был? – спросил Видаль.

– Молодой рыбак, совсем мальчишка. Забрасывал сети, ну и... вытащил. Доктор Морнан просил Рейнольдса остаться в каюте, но тот не послушался и настоял на том, чтобы сойти на берег. Тело лежало на песке, прикрытое куском рогожи, из-под которой были видны только рассыпавшиеся темные волосы и край белого пеньюара, в котором бедная мадемуазель Лантельм упала в воду. Неподалеку стояли два жандарма. Кто-то – мэр деревни, кажется, – на скверном французском стал говорить слова сочувствия, но Рейнольдс не стал его слушать. Опередив всех, он подошел к телу, наклонился, поднял рогожу и расплакался. Доктор помог ему подняться и отвел в сторону. Следователь спросил, подтверждает ли Рейнольдс, что это его жена. Тот выкрикнул: «Да, черт побери!» Морнан и немецкий доктор осмотрели тело на месте, потом к ним подошел следователь. Филипп слышал, как он произнес слово «вскрытие». Но Рейнольдс тоже услышал его и вскинулся, что не желает, чтобы его жену резали, как лягушку. Вмешался капитан Обри и предложил прежде всего перенести тело на яхту, а затем уже спокойно все обсудить. Кто-то из местных сбегал за носилками, другие нарвали цветов. Тело положили на носилки, а сверху усыпали цветами. Несли носилки мой Филипп и другой матрос, Шавийар. Филипп шел сзади и потом вспоминал, как рука утопленницы то и дело свешивалась с носилок, а Рейнольдс подбегал и поправлял ее.

– У меня вопрос, может быть, не относящийся к делу, но тем не менее... – перебил рассказчика Видаль. – Как насчет обещанной тысячи марок? Рейнольдс заплатил тому рыбаку?

– Заплатил, все честь по чести. Тело мадемуазель Лантельм принесли в ее спальню и положили на кровать. Пришли женщины, которые не сходили на берег, мсье Буайе, актер и старик, которые тоже оставались на яхте. У всех глаза были на мокром месте. Следователь попросил их выйти, а сам стал разговаривать с докторами. Тем временем яхта снялась с якоря и поплыла обратно в Эммерих.

– И в тот же день, – уронил Видаль, – следствие было прекращено. Никого на яхте не насторожила такая поспешность?

Старик вздохнул.

– Не думаю, что пассажиры задавались такими вопросами, мсье, – сказал он. – Мсье Буайе и актер сразу же собрались и на скором поезде уехали обратно в Париж. Мадемуазель Ларжильер задержалась, потому что помогала горничной и дворецкому привести тело в порядок и уложить в гроб. Чтобы перевезти бедную мадемуазель Лантельм во Францию, пришлось выполнить множество формальностей, и тут Рейнольдсу помог мсье Леопольд, который говорил по-немецки. Он объяснялся с властями. В Эммерихе отслужили мессу, на которой присутствовали и члены экипажа. Наконец гроб погрузили в вагон, но с железной дорогой тоже возникли сложности – по пути пришлось менять поезд.

Мадемуазель Алис перелистала страницы блокнота.

– Верно, тело прибыло в Париж вечером 29-го числа на поезде номер 124 из Льежа, в опломбированном вагоне. С вокзала гроб переправили в морг Обервийе. Похороны состоялись на Пер-Лашез в последний день июля. Приглашены были только самые близкие друзья, гости с яхты и люди из мира театра. Однако прежде Рейнольдсу, который всячески избегал контактов с прессой, пришлось-таки представить публике свою версию происшедшего. И он это сделал – через посредничество все того же доктора Морнана.

– Не торопите события, Алис, – остановил помощницу Видаль с улыбкой. – Официальных версий было несколько, и исходили они от разных лиц.

Журналист развалился на стуле, губы его иронически кривились. Судя по всему, он уже знал, как именно разовьет этот «вкусный» момент в одной из своих острых, безжалостных статей.

– Итак, версия первая. Исходит от некоего гостя с яхты, желавшего остаться анонимным. Но для нас, журналистов, анонимности не существует. Автор версии – драматург-неудачник Анри Невер, тот самый «старик», чью фамилию ваш сын даже не запомнил. И такая забывчивость неспроста – пьесы Невера давно никому не нужны, кроме их автора. В 1911 году Невер ужом вился вокруг могущественного Рейнольдса, льстил ему и всячески подлизывался, рассчитывая на его влияние в театре. Версия Невера безыскусна и бездарна, как и его комедии. В ней упоминается стоянка в Эммерихе из-за таможни, веселый вечер с шампанским, а затем происходит вот что: гости расходятся, мадемуазель Лантельм отправляется к себе, через пять минут все слышат ее крик, прибегают – а она исчезла. Почему же, спросите вы? Найдите-ка мне точные слова этого подхалима, мадемуазель Алис!

– «Судя по состоянию каюты, – процитировала секретарша, глядя в блокнот, – мадемуазель Лантельм занималась своим туалетом, и внезапно ей стало плохо. Она наклонилась к окну, яхту подбросило на волнах, и прекрасная актриса выпала в окно, найдя смерть в волнах».

– Да, – ехидно усмехаясь, продолжил Видаль, – вот так просто, дамы и господа! Но мой коллега из «Берлинер Тагерблатт» вдребезги разбивает версию Невера, потому что он умудрился проникнуть на «Любимую» и даже в каюту, где все случилось. И что же он увидел? Что окно высоко и недостаточно широко для того, чтобы вывалиться из него из-за головокружения или по причине обморока. Даже самым отъявленным тугодумам становится ясно, что версия мсье Невера никуда не годится. И тут-то появляется милейший доктор Морнан, друг Рейнольдса. Он осматривал тело, видел место происшествия и, как утверждает, знает, как все было. Он нашел решение! Мадемуазель Лантельм было жарко и душно. Она открыла окно, но этого ей показалось мало. Актриса забралась на столик и села на окно спиной к реке, после чего принялась распускать волосы. В одной руке у нее была крышечка от коробки со шпильками – той самой серебряной овальной коробки, о которой мы говорили. Другой она вытаскивала из прически шпильки и складывала их в крышечку. Тут яхту потрянуло – или, может быть, мадемуазель стало дурно, – так или иначе, актриса упала за борт, и все сразу было для нее кончено, потому что она не умела плавать. Отличная версия? Отличная! Только вот снаружи шел дождь, о котором милейший доктор понятия не имел, потому что самого его в момент происшествия

на яхте не было. Вопрос: зачем молодой красивой женщине в дождь высовываться за окно, да еще заниматься при этом своей прической? Вы в это верите? Лично я – нет!

– Но ведь когда нашли ее тело, – тихо заметил мсье Гренье, – у нее в руке и в самом деле была шпилька.

– Что? – изумился Видаль.

– В руке утопленницы была зажата шпилька, – повторил старик. – Я же говорил вам: ее рука постоянно свешивалась с носилок, когда Филипп их нес. Он заметил, что в кулаке что-то есть, и сказал доктору Морнану. Доктор ответил, что и он, и следовательно тоже обратили на это внимание. Потом Жюли сказала Филиппу, что в руке бедной мадемуазель была шпилька. Она действительно занималась своей прической.

– Ваш сын видел шпильку своими глазами? – быстро спросила мадемуазель Алис. – Или Жюли видела, как шпильку обнаружили?

– Нет. Ей сказал доктор.

– Морнан? Конечно, ведь он придумал эту версию, – фыркнул журналист.

– Нет, не Морнан. Немецкий доктор.

Судя по выражению лица Видаля, журналист был озадачен.

– Хм... Ну, если так... – Он пожал плечами. – Но снаружи шел дождь! Какая еще прическа в такую погоду?

– А если она чувствовала, что много выпила, и хотела прийти в себя под дождем? – подала голос мадемуазель Алис. – К тому же не забывайте о кокаине. Кто знает, что могло взбрести ей в голову!

– Мадемуазель Алис, мадемуазель Алис... – проворчал Видаль, хмурясь. – С вашего разрешения, мы не будем торопиться с выводами. Лично мне, простите, вся эта история представляется сплошной инсценировкой. Куда проще принять вариант, что Рейнольдс напился и стал приставать к жене, а когда та захотела снова его выставить, случайно убил ее. Она была хрупкая, он силач, достаточно одного толчка, удара виском об острый угол мебели, к примеру, – и все! Поняв, что он наделал, Рейнольдс вмиг протрезвел и выбросил труп в окно. Оставлять тело на месте преступления было нельзя, потому что в этом случае убийство становилось совершенно очевидным, и ни на какой несчастный случай списать его было бы невозможно. Убийце повезло, что нерадивый матрос покинул свой пост, иначе в деле появился бы свидетель, который мог его изобличить. Вспомните слова капитана Обри! Само собой, убийца вернул на место сдвинутую мебель, уничтожил все следы ссоры, повернул боком стул – якобы жена со стула забралась на стол, а затем села на окно и выпала оттуда. Для пущей верности он запер дверь каюты изнутри, а сам вылез в то же открытое окно и по плану перебрался к себе в соседнюю каюту.

– Ночью, при сильной качке? – вскинула брови мадемуазель Алис. – И не сорвался в воду, не поранился? Да еще исхитрился все проверить за столь короткое время? Ведь двое припозднившихся гостей слышали крик мадемуазель Лантельм. Допустим, несколько минут они топтались на месте и обсуждали, что им делать; потом к ним присоединился Филипп Гренье – еще пара минут; мужчины идут к Жюли Прео, стучат, ждут, пока та откроет, – накинем три минуты, максимум пять; и вот они уже у двери Рейнольдса. Десять минут на все про все – на то, чтобы избавиться от тела, чтобы уничтожить следы, запереть дверь и вернуться к себе по плану, причем в качку?!

– Он не сразу открыл дверь, – настаивал Видаль. – И не пустил их в свою каюту – возможно, чтобы они не увидели мокрую одежду или другие улики. Все верно, он сильно рисковал, но мог и успеть. Мог!

Секретарша обернулась к Гренье.

– Вы упоминали, что на полу в туалетной комнате был ковер. Скажите, Филипп не заметил на нем никаких пятен?

– Мой сын ничего такого не говорил.

– А на мебели?

– Нет, мадемуазель, Филипп не упоминал.

– Он видел тело после того, как его выловили из реки? Заметил какие-нибудь следы – царапины, порезы, синяки?

Греньё вздохнул.

– Филипп сказал, – промолвил он наконец, – она походила на ангела.

– После почти двух суток в воде? – недоверчиво спросил журналист. – Простите, но так не бывает.

– И тем не менее так было. Даже простые рыбаки, глядя на нее, не могли сдержать слез. Им всем было ее очень жаль.

– Да, теперь, когда актриса больше не могла носить свои знаменитые украшения, ее можно было пожалеть, – недобро усмехнулся журналист. – Те самые украшения, которые, как говорили, муж распорядился похоронить вместе с ней. Называли совершенно безумные суммы – колье то ли за 250 тысяч франков, то ли за 400 тысяч, и это не считая колец и браслетов. Надо напоминать, что было дальше? Не прошло и полгода со дня похорон, как неизвестные воры забрались в ее склеп. По чистой случайности они не сумели завладеть драгоценностями, которые полиция позже вернула семье. Причем тогда же выяснилось, что на самом деле похороненные с покойной украшения стоили куда меньше. Но в 1916 году воры снова попытались ограбить несчастную, и все повторилось, с той только разницей, что теперь вообще красть было нечего. По-моему, – добавил Видаль со злостью, – эта неприглядная история прекрасно иллюстрирует, чего стоят люди со своей жалостью, да и всеми остальными чувствами.

– Ах, Пьер, Пьер... – вздохнула мадемуазель Алис. – Не стоит определять облик всего человеческого рода по худшим его представителям. – Секретарша повернулась к Греньё. – У вас прекрасное вино. У кого вы его заказываете?

Старик расцвел и рассказал, кто поставляет ему вина, а кто – мясо и яйца. Мадемуазель Алис улыбалась и поддакивала.

– По всему чувствуется рука заботливых хозяев, – объявила она, осматриваясь. – Скажите, вы давно владеете этим кафе?

– Лет сорок, если не больше, – ответил Греньё с простодушной гордостью. – Хотя раньше было проще со всем управляться. Сами знаете, какие сейчас времена: профсоюзы, забастовки, работать никто не хочет, все хотят только деньги получать... – Хозяин заведения уныло покачал головой. – И что из всего этого выйдет?

Однако мадемуазель Алис выразила надежду, что хоть что-нибудь, да выйдет непременно, и завела со стариком разговор об остальных его детях. Она была так мила и так неподдельно внимательна, что Греньё и сам не заметил, как выболтал ей все про дразги в семье старшей дочери и про нелады с женой у другого сына, Антуана. Больше всего старик был привязан к внуку Клоду, который, как и он, родился влюбленным в море и обожал пускать по воде кораблики. Пока еще мальчик совсем маленький, но вырастет – и там будет видно, что из него получится.

Наконец мадемуазель Алис закрыла блокнот, в котором уже давно не делала никаких заметок, и поднялась. Следом за ней встал и мсье Видаль, явно скучавший на протяжении этой части беседы.

– Кажется, мы должны вам за вино... – обронила старая дама.

Греньё немедленно замахал руками и плату взять не пожелал. По его словам, ему было приятно лишний раз поговорить о своем сыне.

– Хорошо, – кивнула мадемуазель Алис. – На всякий случай, если вдруг вы вспомните что-нибудь еще, о чем мы вас не спросили или что просто покажется вам важным, вы всегда

можете позвонить вот по этому телефону... – Секретарша положила на столик визитную карточку с адресом и номером. – Спасибо за то, что согласились уделить нам время, мсье.

Она улыбнулась Гренье, поправила шляпку, поудобнее перехватила сумочку и вышла вслед за журналистом, который придержал перед ней дверь.

Сидевший за соседним столом бывший русский помещик – тот самый, который мечтал о фуа-гра, – внимательно посмотрел ей вслед.

– Да, Андрей, француженки есть француженки, – назидательно заметил его сосед. – Сколько бы лет им ни было, а выглядят всегда на зависть нашим.

– Мне кажется, я знаю эту даму... – пробормотал помещик. – Да, определенно где-то ее видел... Только вот где?

Он поломал себе голову еще полторы минуты, после чего махнул рукой и стал изучать в газете объявления о рабочих местах.

Глава 5

Таинственная мадемуазель Алис

– Должен вам признаться, – сказал Пьер Видаль, – вы меня удивляете.

– Чем именно? – осведомилась мадемуазель Алис, доброжелательно глядя на него из-под очков.

– Я бы не смог так спокойно, и даже приветливо улыбаясь, слушать бесконечные истории о детях и внуках и о том, как они когда-то что-то не поделили, – напрямую заявил журналист. – И вообще, какая разница, где занудный старик, хозяин кафе, покупает кофе и яйца? Или вы думаете, он мог что-то от нас скрыть, а потом придет и расскажет об этом, раз уж вы так терпеливо слушали его рассказ о болячках жены?

– По-моему, Пьер, вы так ничего и не поняли, – хладнокровно ответила секретарша. – Уверяю вас, я разговорила старика вовсе не для собственного удовольствия.

– Но...

– Подумайте сами, и вы все поймете. Вы же журналист, в конце концов!

– Должен признаться, – проговорил Видаль после минутного молчания, – не вижу никакой связи между родичами мсье Гренье и нашим расследованием.

– Ну, дорогой мой, – пожалала плечами мадемуазель Алис, – это же очевидно! Яхта «Любимая», на борту семнадцать человек, среди них одна жертва и один убийца. Допустим, что и в самом деле именно Жозеф Рейнольдс, по пьяни, как утверждают одни, или в приступе ярости, как говорят другие, убил свою жену. И что, никто ничего не заметил? А ведь их расспрашивали не только следователи и репортеры, нет – их всех вызывали на суд по делу о клевете, когда одна из газет все-таки отважилась открыто обвинить Рейнольдса в убийстве. Пятнадцать свидетелей, и все согласились помалкивать из почтения и дружбы? Вы меня разочаровываете!

– Вот оно что... – протянул Видаль. – Вы думаете, магнат заткнул им рот деньгами?

– Так и должно было случиться, если он убийца. Но что мы видим? Капитан Раймон Обри, члены экипажа Буске, Шавийар, Делафосс, Корто, Тенар, Жерфо, Гренье – кто-нибудь из них ни с того ни с сего разбогател, получил неожиданное наследство, выиграл миллион в лотерею? Делафосс, Шавийар и Гренье погибли на войне, но отец Гренье владеет тем же кафе, что и сорок лет назад. Он рассказывал мне о своих детях и внуках, и никакого процветания я не заметила – а ведь его сын Филипп, по сути, был одним из ключевых свидетелей. У Буске мы уже побывали – помните, в какой нищете он живет со своей семьей? Это озлобленный, измученный невзгодами человек. Он недавно потерял работу и говорить с нами согласился лишь после того, как я предложила ему денег. Причем даже не обмолвился о том, что сам же и впустил на яхту немецкого репортера. Зато Буске все знает, все видел, на все у него готов ответ. По его версии, Рейнольдс – обыкновенный мерзавец с деньгами, а его жена – красавица, но законченная кокаинистка, которая крутила романы со всеми подряд. Само собой, Буске слышал, как Рейнольдс кричал своей жене – чуть ли не при всех, – что непременно ее прикончит. Якобы он даже слышал, как Ролан Буайе открытым текстом обвинил своего кузена в убийстве жены. Потом мы побывали у вдовы Делафосса, выяснили, не рассказывал ли ей муж чего-нибудь о происшествии, очевидцем которого был. Но у той своих забот полно, а из рассказов супруга женщина только помнит, как тот говорил, что в той истории все непонятно, но раз Рейнольдс так торопился замять дело, значит, он точно виновен. Еще один свидетель, Корто, которого мы разыскали в Гавре, в ту ночь так устал, что проспал все случившееся, о чем нам честно и сообщил. Заметьте, все эти люди как жили, так и живут, и никаких неожиданных денег – платы за молчание – в их прошлом не наблюдается.

– Но мы только начали наше расследование, – напомнил Видаль. – И, если уж говорить откровенно, вряд ли простые матросы могли многое знать. Вот гости Рейнольдса – да. И еще прислуга. Потому что все они жили рядом.

– Прекрасно, – сказала мадемуазель Алис. – У нас есть дворецкий Андре Фонтане, затем горничная Жюли Прео, драматург Анри Невер, бывшая актриса Ева Ларжильер, ее бывший любовник Шарль Морис, ныне первая звезда театра. Кто еще? Ах да, кузен Рейнольдса Ролан Буайе и художник Леопольд Эттингер. И если уж мы ищем внезапно разбогатевших, то Еву Ларжильер надо отбросить сразу, потому что в ее случае имело место совершенно обратное. Что, кстати сказать, довольно-таки подозрительно, учитывая все обстоятельства. Между прочим, вы обещали мне навести справки и узнать, где она сейчас находится.

– Вы ее подозреваете? – с любопытством спросил журналист. – Из-за той ссоры? Думаете, актриса могла убить мадемуазель Лантельм?

– Подозрения – вздор, – заявила поразительная секретарша. – Мне нужны факты. Мы опросили двух свидетелей и двух, скажем так, квазисвидетелей, и пока единственным, чьи показания выглядят более-менее убедительно, является Филипп Гренье, чьи впечатления стали нам известны при посредничестве его отца. Далее надо опросить двух оставшихся в живых матросов и родственников погибшего Шавийара, а заодно навести справки об их благосостоянии за последние десять лет. Затем пойдут дворецкий, горничная, капитан и остальные, все, кого удастся разыскать. Не забудем также доктора Морнана, который озвучил версию о причислении под дождем. И еще, наверное, придется съездить за Рейн, в Эммерих. – Мадемуазель Алис нахмурилась. – В Германии сейчас беспокойно, но работа есть работа. Крайне любопытно будет выяснить, что же добросовестные немецкие чиновники думали обо всем происшедшем на яхте. Поскольку это дело, если говорить начистоту, давным-давно предано забвению, а главный подозреваемый, Рейнольдс, скончался еще до войны, в 1914-м, то... может быть и так, что мы узнаем истину не от свидетелей, а от следствия.

– Вы действительно настолько хотите выяснить, что на самом деле случилось в ту ночь? – спросил журналист недоверчиво.

– Друг мой, факты есть факты: если пять свидетелей из десяти независимо друг от друга заявят мне, что мадемуазель Лантельм любила сидеть на подоконнике или что она обожала дождь, и приведут убедительные доказательства своих слов, мне придется смириться. Пока у нас есть только каюта, запертая изнутри, и пропавшая из той каюты женщина. – Мадемуазель Алис помолчала и покачала головой: – Я одного не понимаю, к чему такие сложности?

– Что вы имеете в виду? – спросил журналист, который слушал свою спутницу со все возрастающим любопытством.

– Я имею в виду неправдоподобное падение из окна, для падения из оного не приспособленного, – сухо пояснила секретарша. – Что стоило Рейнольдсу, если он действительно прикончил жену, сказать, что та вышла на палубу и ее просто смыло за борт волной? Или она случайно упала за борт, к примеру.

– А зачем ей было выходить на палубу?

– Господи боже мой! Да забыла что-нибудь в шезлонге и пошла искать, в темноте оступилась... И так далее. Почему запертая изнутри каюта? Почему окно?

– Потому что запертая изнутри каюта подтверждала непричастность мужа.

– При открытом окне и возможности перебраться в его каюту по планширу? Додуматься до этого – дело нескольких секунд.

– Вряд ли он был в состоянии трезво соображать, когда убил ее, – заметил Видаль. – Мы ведь исходим из того, что убийство было все-таки не случайным. Даже злейшие враги Рейнольдса никогда не утверждали, что магнат убил жену намеренно.

– Да, они всего лишь намекали, что на борту имела место некая оргия, во время которой мадемуазель Лантельм скончалась, – хмыкнула секретарша, и ее глаза сверкнули золотом. – И

все равно, падение за борт выглядит куда правдоподобнее. Тем более во время сильной качки, в грозу, да еще ночью.

– Но все видели, как хозяйка прошла к себе в каюту, – настаивал журналист. – Крик донесся тоже из ее каюты, судя по тому, что рассказал Гренье. У Рейнольдса просто не хватило духу разыграть представление и объявить людям, что его жена куда-то вышла и ее смыло за борт. Поэтому он любой ценой защищал версию о непроизвольном падении из окна. Сначала о нем говорил Невер, упоминая об обмороке, затем, когда стало ясно, что обморок не «срабатывает», потому что надо взобраться на окно, чтобы выпасть из него, подключили доктора Морнана.

– Видите, у нас все не сходится, – усмехнулась секретарша. – Помните, что сказал отец Филиппа? Возле стола находился стул, причем стоял боком. Так часто делают, когда хотят встать на него, а тем более перебраться со стула на стол, скажем, – иначе спинка будет мешать. По вашей версии, это была инсценировка, и свидетели ее увидели. Зачем придумывать что-то заново, какой-то обморок, когда достаточно было указать на стул и сразу же заявить: «Наверное, она залезла на стул, с него на стол, а потом перебралась на окно, потому что ей было душно»? Опять же, вы предполагаете, что Рейнольдс плохо соображал. Однако он сообразил, что надо повернуть стул боком, то есть логика ему вовсе не изменила. И куда делась крышка от коробки со шпильками? Получается, мужчина сразу же придумал историю с причисыванием на окне? Может, проще было положить на видное место кокаин и намекнуть следствию, что его жена была не в себе и, так сказать, непреднамеренно покончила с собой?

Видаль нахмурился. Через минуту сказал сдержанно:

– Я полагаю, мы не можем знать ход мыслей мсье Рейнольдса. Но вы правы, дело действительно очень запутанное. Лично я предпочел бы, чтобы оно было попроще, – прибавил журналист с подкупающей откровенностью.

Мадемуазель Алис задумалась и замедлила шаг.

– Прошло десять лет, – сказала она. – Слишком большой срок для успешного расследования. Да еще прошла война, которая унесла многих свидетелей. – Дама поморщилась. – Видите ли, расследование преступления похоже на складывание мозаики из многих фрагментов, и пока... пока у нас отсутствуют два главных фрагмента.

– Убийца и то, каким образом он смог покинуть каюту? – предположил Видаль.

– Нет, – ответила мадемуазель Алис. – Он и она. Жозеф Рейнольдс и Женестьева Лантельм. Мы совсем ничего о них не знаем, а ведь и жертва, и предполагаемый убийца – ключи к разгадке дела.

– О, полно вам! – отмахнулся Видаль. – Уж о них-то я знаю все. Я прочитал газеты и расспросил коллег, которые в свое время о них писали. Кто вас интересует – Жозеф Рейнольдс? Пожалуйста: родился в Константинополе в 1857-м, сын английского врача и француженки. В детстве его отправили в Париж, учиться в лицее Кондорсе, где он сразу же показал, чего стоит: выпускал рукописную газету и брал с товарищей за прочтение по десять сантимов, причем сам был в ней и журналистом, и редактором, и автором стихов. Судя по всему, тогда Рейнольдс и научился делать деньги на прессе. Окончив лицей, он работал в «Голуа», «Фигаро» и еще в полудюжине изданий, пока не основал свое собственное, которое сразу же составило им конкуренцию. Прозвище этого господина было «Сточная канава», и не зря. Он активно занимался политикой, замарался в афере с Панамским каналом, но вышел сухим из воды. Потом политика ему поднадоела, и Рейнольдс заинтересовался театром, тем более что всегда был неравнодушен к хорошеньким женщинам. Как раз на репетициях своей пьески «Рикошет» в начале 1906 года он и познакомился с будущей, пятой женой, красавицей Женестьевой Лантельм. О прошлом актрисы ходили самые темные слухи – что ее матери принадлежал бордель, в котором одно время пришлось работать и дочери, однако девушка нашла в себе силы порвать со своей средой и подалась на сцену. В начале века она играла крошечные роли в театре «Жимназ», а в октябре

1903-го решила получить профессиональное образование и, пройдя серьезный конкурс, поступила в консерваторию, на курс маститого мсье де Фероди из «Комеди Франсез». Через некоторое время знаменитая актриса Режан основала свой театр и среди прочих пригласила туда подающую надежды мадемуазель Лантельм. Однако в конце концов молодая актриса оттуда ушла, причем выясняла отношения с директрисой через суд. С тех пор она играла в «Водевиле», «Варьете» и еще полдюжине театров, а последние ее роли состоялись на сцене «Ренессанса». Публика ее любила, критики были к ней вполне благосклонны, художники писали ее портреты. Связь с богатым и влиятельным Рейнольдсом закончилась тем, что она его на себе женила. Причем, чтобы получить развод, магнат обязался платить предыдущей жене, номеру четыре, чудовищные отступные – по 48 тысяч франков в год⁵. За полгода до гибели мадемуазель Лантельм журнал «Фемина» уверенно писал, что актрису «можно причислить к самым счастливым из наших современниц». Позже журнал опубликовал ее письмо, отправленное за три дня до несчастья, – в нем она писала, что ищет на отдыхе «покоя и растительной жизни», а заканчивалось послание словами: «До встречи в конце сентября». Вы читали его?

– Нет, – ответила мадемуазель Алис.

– Если захотите прочитать, копии статей у меня, – заметил мсье Видаль. – Там еще много всего – о том, как она судилась с одним автором, в чьей пьесе передумала играть, или о том, как отказалась платить скульптору за свой бюст, когда сочла, что тот похож на кого угодно, только не на нее. Но все это оборвалось так внезапно и так трагически, и люди сразу же решили: что-то тут нечисто. Затем еще случилась эта гнусная история – попытка ограбления мертвой. Правда, не знаю, кто отвратительнее – воры, залезшие в гроб, или наследнички бедной Жинетты, жадные родственнички, которые в 1912-м устроили аукцион и продали ее вещи, все, вплоть до шляпок и постельного белья. В те времена я только начал работать в «Пари-суар», и так получилось, что мне пришлось описывать оба дела – и ограбление на Пер-Лашез, и аукцион. И знаете, как только вспомню особняк Друо, толпу зевак, которая целыми днями ломилась на аукцион и ходила среди витрин, жадно все разглядывая и отпуская дурацкие замечания... – Репортер сморщился, как от физической боли, и замолчал.

– Боюсь, Пьер, все это к нашему делу не относится, – мягко сказала мадемуазель Алис. – Простите меня, но то, что вы тут наговорили, – это чистой воды журналистика. Дело не в том, в каких пьесах играла Женевьева Лантельм, а в том, что за человек она была. Рейнольдс, по вашему описанию, получается каким-то подобием Синей Бороды. Я вполне допускаю, что он был мерзавец, вопрос только – до какой степени. Одно дело – быть мерзавцем и нагреть руки на панамской спекуляции и совсем другое – быть мерзавцем, который убил свою жену. Потому что нас интересует именно убийство, и расследуем мы только его. Так что я вижу, что без дополнительных свидетелей нам не обойтись.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду тех, кто хорошо знал двух наших незнакомцев – Рейнольдса и его жену. В первую очередь слуг: лакеев, горничных, секретарей, шоферов. Слуги находятся рядом с хозяевами круглосуточно и знают все, хоть и не подают виду. Затем нам нужны друзья этой пары. И, конечно, враги. Хороший враг в наши дни так же необходим, как хорошие туфли, без него просто шагу не сделаешь. Займитесь этим, Пьер, разыщите имена, адреса и телефоны. А пока давайте-ка спустимся в метро и поедem разговаривать с еще одним свидетелем, Тенаром.

⁵ За 6000 франков в то время можно было купить автомобиль.

Глава 6

Сестра Мария

Однако разговора не получилось. Когда Пьер Видадь и мадемуазель Алис отыскивали жилище Луи Тенара, дверь внезапно распахнулась им навстречу, и на пороге показался высоченный тип в мятом пиджаке, в шляпе, с сигаретой, прилипшей к нижней губе. За плечом типа виднелась заплаканная женщина.

– Это дом мсье Тенара? – спросила мадемуазель Алис. – Мы хотели бы с ним поговорить.

– По поводу чего? – спросил верзила, смерив ее взглядом.

В Пьере Видале разыграл дерзкий репортерский дух.

– Если вы не мсье Тенар, то вряд ли сумеете нам помочь, – насмешливо ответил он.

Тип хмыкнул и предъявил ему удостоверение инспектора полиции Леонара Бриссона.

– Ну, у меня рекомендации получше, – парировал репортер, показывая документ представителя «Пари-суар». – Что случилось, инспектор?

– Мсье Луи Тенар скончался, – ответил Бриссон. Он снова смерил взглядом воздушную мадемуазель Алис с осиной талией и все-таки вытащил изо рта сигарету. – Сегодня утром.

– Что с ним произошло? – спросил Видадь.

Бриссон, не отвечая, переводил взгляд с него на мадемуазель Алис.

– Не хотите говорить – и не надо, – буркнул журналист. – Все равно через час в редакции я все узнаю.

– Его сбила машина, – пролепетала женщина. Затем закрыла лицо руками и расплакалась.

– Я думаю, нам лучше уйти, – сказала вполголоса мадемуазель Алис журналисту.

– А зачем вам понадобился мой муж? – спросила вдова, отнимая руки от лица.

Пьер объяснил, что они ищут свидетелей гибели Женевиевы Лантельм, и, по их сведениям, ее муж как раз в то время служил на яхте «Любимая».

– Ну вы даете! – присвистнул Бриссон. – Это же было сто лет назад! Вам что, писать больше не о чем?

– А разве вам известно, что стало причиной ее гибели? – язвительно спросил журналист.

– Конечно. Да как и всем, – усмехнулся инспектор. – У нее выросли крылья, и она вылетела в окно.

Судя по всему, Бриссон тоже за словом в карман не лез. Вдова меж тем пригласила Видаля и его спутницу войти в дом.

Инспектор сунул сигарету обратно в рот и удалился, пообещав держать мадам Тенар в курсе расследования. Репортер и женщина, называвшая себя его секретаршей, прошли в гостиную. На стенах висели картины, выдававшие стремление хозяев выглядеть солидно, но для людей со вкусом представлявшие собой всего лишь скучную мазню в духе незабвенных Салонов. Видадь огляделся. А неплохо устроился бывший матрос – старинная мебель, неплохой фарфор, да и дом отличный. Неужели...

– Мой муж уже давно не плавал, – говорила вдова, судорожно сжимая и разжимая руки. – Он получил одно за другим два наследства и занялся коммерцией. Дела шли хорошо, и вот...

Мадемуазель Алис подседа к мадам Тенар, взяла ее руки в свои и завела убаюкивающий, мягкий разговор. Она сочувствует вдове от всего сердца, ведь и сама знает, как тяжело терять близких... А от кого Луи получил наследство? Когда? От почти столетней тетушки и холостого кузена, погибшего на войне? Да-да, война – это ужасно. Нет, нет, сейчас ей неудобно говорить о деле, лучше уж в другой раз. Она просит извинения за себя и за мсье Видаля, что побеспокоили мадам Тенар в ее горе.

– Но я... я не хочу оставаться одна! – проговорила вдова, волнуясь. – Мне муж рассказывал о том случае... Ужасная история, не правда ли? Если хотите, могу пересказать то, что слышала от него.

Так Пьер Видаль и мадемуазель Алис узнали версию Луи Тенара: мадемуазель Лантельм была очаровательна, очень мила со всеми, и все ее любили; мужа она не любила и порой давала это понять; в ту роковую ночь Тенар спал и не услышал крика, проснулся уже позже, когда команду подняли по приказу капитана. Яхта бороздила Рейн во всех направлениях, матросы пытались найти тело, но не смогли.

– Мой муж принял за тело корягу, – сообщила мадам Тенар. – А потом Луи кое-что услышал. Он находился поблизости от каюты Рейнольдса, когда утром туда зашел Ролан Буайе. «Леопольд поехал в деревню отправить кое-какие телеграммы, – сказал кузен. – В полицию мы обратимся позже, в Эммерихе». – «Я не хочу полиции!» – крикнул Рейнольдс (голос у него был совсем слабый и больной, добавила мадам Тенар). «Сам виноват, – холодно ответил кузен. – Нечего было убивать свою жену!» – «Что?» – вскинулся Рейнольдс.

«Сейчас не время говорить об этом, – отрезал Буайе. – Не знаю, что там у вас произошло, и не хочу знать, но тебе очень повезет, если на сей раз ты отделаешься испугом!» Рейнольдс вспылил и осыпал его площадной бранью, но кузен не стал слушать – он развернулся и вышел, хлопнув дверью. Вскоре после этой истории, – добавила мадам Тенар, – умерла тетка моего мужа. Луи получил наследство и ушел с яхты. Да и, по правде говоря, он был по горло сыт морем.

– Ваш муж позже встречал кого-нибудь из тех, кто был тогда на яхте? – спросила мадемуазель Алис.

– Кажется, нет, – нерешительно ответила вдова. – Хотя постойте... Мы как-то были на пьесе с Шарлем Морисом в главной роли. Такой симпатичный молодой человек! Муж мне потом сказал: «Честное слово, я теперь боюсь ходить в театр». Но Луи шутил, конечно. Ой, я совсем забыла, муж же дал тогда деньги на похороны... – Женщина смущенно улыбнулась.

– На чьи похороны? – спросил Видаль. Его всегда раздражали глуповатые женщины, которые не в состоянии сосредоточиться на одной теме и все время перескакивают в разговоре с предмета на предмет. Мадам Тенар явно принадлежала именно к этой категории.

– Фонтена или Фонтене, не помню точно фамилию. – Вдова покосилась на Видаля и украдкой поправила прядку каштановых волос у виска. – Он был слугой на яхте. Потом, уже во время войны, с ним случилось несчастье – дом обстреляли из орудий, и на него обрушился потолок. Мужчина стал калекой и, конечно, остался без работы. У него имелись две дочери, которые, правда, не желали знать отца – тот вроде поссорился с их мужьями или что-то еще... Словом, он повесился. Мой муж узнал об этом и оплатил похороны. Сказал, что ему жалко старика, тот был хороший человек.

Стало быть, с дворецким Андре Фонтане уже не удастся поговорить... Видаль нахмурился.

– Про Еву Ларжильер вы, конечно, слышали, – добавила мадам Тенар. – Столько слухов про нее ходило, когда она раздала свои украшения и ушла в монастырь... Правда, актриса уже была немолода, и удержаться на сцене ей было трудно. Но зачем же все сразу отдавать?

И женщина, уже не таясь, улыбнулась Видалю, который явно внушал ей симпатию.

– А о капитане Раймоне Обри вы что-нибудь знаете? – спросил журналист.

– Обри? – Мадам Тенар подняла брови. – Погодите, Обри... кажется, он получил в колониях большое наследство и уехал. По крайней мере, так говорил мой муж. Я не знала, что Обри находился на той яхте, думала, они были просто знакомы.

Еще один наследник, получается...

Пьер Видаль и мадемуазель Алис обменялись многозначительным взглядом.

– А куда именно уехал мсье Обри, не помните? – вкрадчиво спросила секретарша.

Мадам Тенар наморщила лоб.

– В Алжир... Или в Тунис? Я все время путаюсь с Африкой, – пожаловалась она. – С Индокитаем все-таки гораздо проще.

– Главное, чтобы не Земля Адели, – с иронией заметил Видаль, поднимаясь с места.

Он имел в виду французскую территорию в Антарктиде, однако вдова поняла его замечание совсем по-другому.

– А откуда вы знаете, что меня зовут Адели? – с любопытством спросила женщина, хлопая ресницами.

Тут репортер почувствовал, что разговор ступил на чрезвычайно зыбкую почву, кашлянул, покосился на невозмутимую мадемуазель Алис и вспомнил тысячу и одну причину, которая требовала его немедленного возвращения в редакцию.

– О, женщины! – раздраженно воскликнул Видаль, когда со своей спутницей наконец оказался на улице. – Пять минут назад инспектор сказал ей, что она овдовела, а мадам уже готова кокетничать с первым встречным... – Журналист дернул ртом и ослабил ворот рубашки.

– Ну, по крайней мере, мы от нее кое-что узнали, – отозвалась мадемуазель Алис. – Займитесь Тенаром и Обри, выясните все насчет наследств и заодно проверьте сведения об Андре Фонтане. Звоните мне, как только удастся узнать что-нибудь ценное. На сегодня пока все, не смею вас задерживать. Завтра мы продолжим расследование.

Дама тепло улыбнулась Видалю и, поудобнее перехватив сумочку, зашагала по тротуару, а репортер отправился к себе в редакцию.

Он прошел сквозь суматоху и толкотню, которая царил на всех этажах большого здания в барочном стиле, – готовился очередной выпуск газеты. Трещали и звенели пишущие машинки. Автор «подвального» романа – то есть романа с продолжениями, печатавшегося из номера в номер внизу четвертой страницы, – лихорадочно переписывал на краешке стола финал главы, потому что тот не устроил редактора. Секретари металась между кабинетами, принося новые телеграммы о мировых событиях.

– Что там, ребята?

– У меня Москва!

– А у меня Китай!

– Поезд сошел с рельсов!

– Германия не нужна?

В одном из помещений девушка в золотистых кудряшках, коротко стриженная по новой моде, подняла голову, узнала Видаля и улыбнулась.

– Пьер! Вас искал мсье Ремийи.

Ремийи работал в архиве, и именно к нему Пьер обычно обращался, чтобы узнать или уточнить какие-то данные. Видаль свернул на боковую лестницу и спустился в подвал, где сидели архивисты. При его появлении округлый, солидный мужчина поднялся с места. Из жилетного кармана выглядывала золотая цепь часов – такая же округлая и солидная, как и сам архивист.

– Я нашел твоего Жерфо, – сообщил Ремийи. – В Бордо.

– А родственники другого матроса, Шавийара?

– Я связался с морским министерством. Он из Версаля, оказывается. Там есть лавочка мадам Шавийар, существует довольно давно. Вот адрес... Может быть, это его мать. Обри, о котором ты говорил, пока не могу отыскать. Но...

– Поищи его в африканских колониях. Есть сведения, что он получил там наследство.

– Хорошо. Что касается дворцового Фонтане, то он...

– Покончил с собой, я знаю. Поищи его родных, мне нужно знать, с кем он обсуждал случившееся на яхте.

– Думаешь, это вам поможет?

– Пока самый подробный отчет о деле мы получили из вторых рук, – серьезно ответил Видаль. – Дама оказалась права – ничем нельзя пренебрегать.

– Как вам работается вместе?

– Нормально. Действительно, нормально.

Журналист вытащил из кармана кошелек и положил на стол купюру. Ремийи был настоящим кладезем всяческих данных, но даже кладези нуждаются в поощрении.

– Ты, Пьер, – сказал архивист, пряча деньги, – еще спрашивал насчет Евы Ларжильер. Она теперь сестра Мария. Месяц назад находилась в христианской миссии в Тунисе, но недавно приехала в Париж. Если хочешь ее застать, поторопись – она вот-вот вернется в Африку.

– Ремийи, ты просто чудо! Где я могу ее найти?

– Молодежь, молодежь... Что бы вы без нас делали? Шагу ступить не смогли бы! Бывшая актриса сейчас в монастыре под Парижем. Вот адрес...

Видаль взял листок, прочитал то, что было на нем написано, прикинул, сколько придется добираться до места, и вздохнул.

– Ладно... Слушай, старик, у меня для тебя новое задание. Нужно отыскать всех, кого только можно. Слуг четы Рейнольдс, шоферов, лакеев... ну так далее в таком же духе. Друзей, врагов и прочее. Всех, кто может хоть что-то о них рассказать. Справишься?

– Обижаешь, – пожал плечами Ремийи. – В первый раз, что ли?

– Еще мне нужны точные данные о кое-каких наследствах, – добавил Видаль и объяснил, что именно его интересует.

– На это потребуется чуть больше времени, – заметил Ремийи, проницательно глядя на репортера. – Я же правильно понимаю, что тебе нужны только хорошо проверенные данные?

– Ты просто читаешь мои мысли!

Видаль попрощался с архивистом и поднялся в свой закуток на третьем этаже, где на столе высилась пишущая машинка и стоял телефон, а на стене висели несколько фотографий, открытки и простая цепочка с каким-то железным обломком. Обломок был куском снаряда, который разорвался в нескольких метрах от Пьера, когда тот находился на линии фронта и писал свои репортажи. Видаль снял трубку.

– Номер Элизе 64–37, пожалуйста.

Ожидая ответа, он повернулся на стуле и посмотрел на фотографию хорошенькой кокетливой женщины, висящую на стене. Рядом была другая фотография – молодой и совсем не седой Видаль держал ее под руку, оба счастливо улыбались в объектив неизвестного фотографа. Репортер нахмурился и отвел глаза. Наконец его соединили.

– Алло! Это Пьер Видаль. Я хотел только сказать, мадам, что Ева Ларжильер сейчас в Париже. Вернее, в монастыре под Парижем. Но в ближайшее время собирается вернуться в Тунис, и, если мы ее упустим, неизвестно, когда еще удастся с ней поговорить. Что? Нет, конечно, меня не затруднит. Я думал взять машину у редактора отдела, ведь до монастыря не так-то просто добраться. Вот как... Вы за мной заедете? Через двадцать минут? Хорошо. Тогда я захвачу карту.

Он повесил трубку и стал рыться в ящиках, полных самых разнообразных бумаг. За этим занятием его и застал полный, гладко выбритый брюнет с пухлыми щеками и прекрасными черными глазами, который без стука вошел в дверь.

– Я занят, Жюльен, – коротко бросил Видаль, не поднимая головы.

– Ты занят уже целую неделю, – ответил редактор, изо всех сил стараясь говорить сварливым начальственным тоном. – Пьер, мне нужны мои люди! Кого мне посылать на репортажи?

– Да ладно тебе... – отмахнулся Видаль. – Считай, что я готовлю новый сенсационный материал, и оставь меня в покое.

Он задвинул ящик и распрямился.

– Какая тут может быть сенсация? – сердито спросил Жюльен. – Твои герои уже давно присоединились к большинству... – Редактор скорчил гримасу, высунув язык и закатив глаза.

– Извини, Жюльен, меня ждет дама. – Видаль поднялся с места. – Будь здоров. Потом увидимся.

– Тебя тут искали по телефону, – сказал Жюльен. – Граф де Сертан. Герой войны. Слухи расходятся быстро!

– А, черт... – буркнул Видаль. – Что ему надо?

– Графу стало известно о твоём расследовании, и он настоятельно попросил не беспокоить его жену всякими глупостями.

– Это не мне решать, – холодно ответил Видаль. – Что-нибудь еще?

Прежде чем ответить, редактор выдержал паузу.

– Смотри не обожгись, Пьер, – промолвил он наконец. – Сам знаешь, есть старые дела, которые опасно ворошить.

– В тебе говорит твоя интуиция? – поддразнил его журналист. Несмотря ни на что, они с Жюльеном были хорошими приятелями. А редактор всегда утверждал, что интуиция у него развита отлично.

– Здравый смысл – это интуиция в квадрате, – серьезно ответил Жюльен.

– Отличная фраза! – крикнул Видаль, уходя. – Вставь ее в статью, чтобы не пропала!

Смеясь, он сбегал по лестнице и вышел из здания.

Мадам сказала, что приедет через двадцать минут... Значит, будет через сорок. Таковы женщины. Что ж, как раз хватит времени, чтобы перекусить.

Журналист направился к соседнему бистро, куда обычно заходили все репортеры его газеты. И тут он *почувствовал*.

Это было то же самое ощущение, которое посетило его несколько лет назад, на войне. Тогда он, сам не зная отчего, вскочил со стула и выбежал из здания. А в следующую минуту в дом попал снаряд. Но Пьер оказался в безопасности – именно потому, что, повинуясь безотчетному импульсу, вовремя покинул опасное место.

Ах, Жюльен, Жюльен! Что ты там твердил об интуиции?

Пьер оглядел прохожих, заметил охранника возле банка, расположенного по соседству, посмотрел на шоссе, по которому тянулся поток машин. В кафе за столиками на открытом воздухе сидели люди и смеялись. Все было как всегда, но неприятное, липкое чувство тревоги не покидало Видаля.

Бистро находилось на другой стороне улицы, а Видаль хотел есть, но ему мешало настойчивое, как наваждение, ощущение, будто кто-то следит за ним, сверлит его взглядом, подстерегает... Кто-то, кто определенно не желает ему добра.

«Не пойду в бистро», – внезапно решил Пьер.

Он вздрогнул и попятился, услышав автомобильный клаксон. Сигнал подала мадемуазель Алис, которая сидела за рулем машины. Почему-то, завидев ее, репортер с облегчением перевел дух.

– Садитесь, – скомандовала псевдосекретарша. – Куда ехать?

Видаль назвал адрес и отдал ей карту.

– Кстати, я захватил с собой досье на Еву Ларжильер, – сказал он. – Полагаю, вам оно может понадобиться.

– Вы замечательный помощник, Пьер, – заметила старая дама. – Вы пообедали? Нет? Тогда остановимся где-нибудь по дороге.

Она сдержала слово. За обедом журналист рассказал своей спутнице о том, что в Бордо нашелся еще один свидетель, а в Версале проживает мать другого, и закончил сообщением о звонке графа де Сертана.

– Граф де Сертан – муж горничной Жюли Прео? – хмыкнула мадемуазель Алис. – С чего вдруг такое беспокойство?

– Его отец участвовал в финансовых махинациях, о которых писала наша газета, – пояснил Видадь. – После этого любое упоминание имени графа в прессе вызывает в благородной семье де Сертан разлитие желчи. Кстати, в прошлый раз де Сертан обещал вызвать моего коллегу на дуэль.

– Как мило, – уронила мадемуазель Алис. – Неужели господин граф не в курсе, что дуэли давно вышли из моды?

– А вы по ним скучаете? – улыбнулся Видадь. – Мне всегда казалось, что это чертовски романтично!

– В смерти нет ничего романтического, поверьте мне, – серьезно ответила мадемуазель Алис. – Кстати, вы что-то говорили о досье на нашу свидетельницу.

Журналист кивнул и вручил ей небольшую тетрадь. Часть страниц была заклеена вырезками из газет разных лет, другие заполнены рукописным текстом.

– Родилась в Тулоне в 1871-м... Ева Ларжильер – сценическое имя, настоящее – Мари-Паскуалин Феретти. Отец – портной неаполитанского происхождения, пьяница, человек необузданного нрава. В один далеко не прекрасный день он поссорился с женой и застрелил ее из револьвера, после чего хотел убить и восемнадцатилетнюю дочь, но не решился и пустил себе пулю в лоб. – Мадемуазель Алис покачала головой. – Полная лишений юность... Ну, с этим все понятно. Начинала в труппе бродячих актеров, потом была блестящая карьера в Париже. Первую главную роль сыграла, заменив актрису, которая накануне премьеры неожиданно скончалась. Критики восхищались выразительным голосом Евы, который мог передать любое движение души. Главная звезда театра «Варьете», с директором которого у Евы был многолетний роман. Короли Испании, Англии и Португалии приходили взглянуть на ее игру. – Мадемуазель Алис листала страницы, едва задерживаясь на них взглядом. – Все это мне уже известно. Жизнь, полная славы и процветания, замки, апартаменты в центре Парижа, запряженные четверкой кареты, затем лучшие автомобили... А в 1918 году она внезапно все бросает, раздает драгоценности, вещи и уходит в монастырь. Вопрос: почему?

– Объяснения могут быть самыми разными, – заметил журналист. – К примеру, именно Ева убила мадемуазель Лантельм, вышла сухой из воды, а потом ее замучила совесть.

– Допустим, – пожала плечами старая дама. – А причина убийства?

– Ева не становилась моложе, – усмехнулся Видадь. – А Лантельм уже в 1908-м отняла у нее главную роль в «Короле», сатирической комедии, которую играли более пятисот раз и которая побила все рекорды кассовых сборов. Кроме того, не забудьте спутника Евы, красавца Шарля Мориса. По свидетельству Филиппа Гренье, он был в числе тех, кто ухаживал за хозяйкой яхты. Что, если Ева попросту его приревновала? Шарль Морис был гораздо моложе ее, и, конечно, Лантельм куда больше подходила ему, чем стареющая звезда.

– Вы так говорите, будто рядом с Лантельм не было ее мужа и она могла распоряжаться собой, – парировала мадемуазель Алис. – Роман актрисы с Рейнольдсом тянулся четыре года, прежде чем она сделалась его законной женой, и что-то мне подсказывает: заставить его жениться было вовсе не просто. Его влияние и связи позволяли ей оставаться звездой и играть те роли, которые хотелось. Сомневаюсь, чтобы она позволила себе всерьез увлечься актером, каким бы красавцем он ни был, да еще на глазах у мужа.

– Сдаюсь, – вздохнул Видадь. – Впрочем, на вашем месте я бы тщательно все взвесил, прежде чем отказываться от этой версии. Если говорить о Еве и Шарле Морисе, то все мои источники в один голос утверждают, что там было не простое увлечение... по крайней мере, с ее стороны.

– Ничего, скоро мы сможем побеседовать с самой мадемуазель Ларжильер и все узнаем точно. Вы уже допили свой кофе? Вот и прекрасно. – Мадемуазель Алис убрала в сумочку тетрадь, которую ей дал Видаль, и поднялась с места.

Монастырь стоял на холме, на который вела узкая неудобная дорога, но мадемуазель Алис так хорошо управлялась с автомобилем, что они добрались до вершины без приключений. Видаль вышел из машины, оглядел толстые высокие стены, маленькие окна, которые недружелюбно шурились на прищельцев. Но цветники во дворе были ухоженные, и во всем чувствовалась заботливая женская рука.

Через двор к гостям уже спешила молодая монахиня.

– Приносим свои извинения, но сегодня часовня закрыта... Вы приехали посмотреть витражи?

– Нет, – заговорила мадемуазель Алис, – мы хотели бы побеседовать с сестрой Марией... той, которая прибыла из Туниса.

– Она никого не принимает, – поспешно сообщила девушка, часто мигая и краснея от волнения.

Мадемуазель Алис вздохнула и достала из сумочки открытку с фотографией молодой женщины в манто и жемчугах, которая сидела на скамейке. В одной руке она держала муфту, а другую положила на высокий подлокотник. Прелестную головку венчала бархатная шапочка с перьями, но глаза у женщины были грустные – такие грустные, словно уже тогда она предчувствовала свою судьбу.

Спутница журналиста перевернула открытку и написала несколько слов на обороте, после чего вручила послание молодой монашке.

– Мне бы хотелось получить ответ, – спокойно, но твердо сказала мадемуазель Алис. И что-то такое было в ее тоне, что юная монахиня почти бегом бросилась исполнять поручение.

– Откуда у вас эта открытка? – не удержался Видаль. – Я думал, они уже давно не издаются.

– Букинистов еще никто не отменял, – с некоторым вызовом в голосе ответила старая дама.

Они ждали. Меж тем солнце стало клониться к закату, и через двор монастыря, захватывая цветники с розами, потянулись длинные тени. Пробежал ветерок, поцеловал лепестки, и в траве завел свою обычную скрипучую песенку одинокий кузнечик. В глубине двора растворилась дверь, и из нее показалась женская фигура.

По тому, как неторопливо она двигалась, Видаль сразу же понял, что это не та молодая монашка, которая выходила им навстречу. Женщина приблизилась – и остановилась. Черты ее лица были, возможно, грубоваты, но уже через мгновение вы забывали об этом, потому что во всем облике монахини главенствовало странное спокойствие. Пожалуй, даже умиротворение, поправил себя Видаль. Взгляд ее больших темных глаз то и дело перебегал с журналиста на его спутницу, которая теперь скромно держалась за спиной Пьера.

– Добрый вечер, – поздоровался репортер. – Простите, что позволили себе вас побеспокоить, но... – Он оглянулся на старую даму. – Меня зовут Пьер Видаль, а это мадемуазель Алис, моя секретарша. Мы хотели бы поговорить с вами о... о девушке, изображенной на открытке. Собственно говоря, – журналист поймал себя на мысли, что непривычно волнуется, и рассердился на себя, – мы пытаемся расследовать ее смерть. И думаем, что вы могли бы нам помочь.

Сестра Мария усмехнулась. Когда она заговорила, голос ее оказался тихим и ровным, но, даже стоя в нескольких шагах, журналист и его спутница отчетливо слышали каждое ее слово.

– Добрый вечер, мсье, и вы, госпожа баронесса. – Глаза Евы Ларжильер блеснули. – Ведь вы баронесса Корф, не так ли? Амалия Корф?

Часть вторая

Амалия

Глава 1

Исход

Тучи над Европой собирались долго. Была давняя война 1870 года, которую французы вчистую проиграли. Была осада Парижа немцами, крушение империи Наполеона Третьего, такой процветающей, такой блестящей. Были Эльзас и Лотарингия, отрезанные от Франции и присоединенные к Германии. Назревала большая перестановка сил.

Франция жаждала реванша. Британия, почуяв угрозу своему могуществу, забеспокоилась. Австрия приняла сторону Германии. Россия колебалась. По всей Европе заключались тайные союзы, которые ни для кого не были тайной.

– Все идет к новой войне, – говорили пессимисты.

– Никакой войны не будет, – отмахивались оптимисты.

И в самом деле: к чему воевать, когда жизнь обрела невиданную прежде стабильность и ее заполнили открытия науки и техники – появились телефоны, граммофоны, автомобили, аэропланы, когда Сантос-Дюмон облетел Эйфелеву башню на дирижабле, а потом поднялся в воздух на одном из первых самолетов; когда в театрах каждую неделю дают новую пьесу и в ложе министра можно увидеть красавицу, о которой говорит весь Париж. Вздор эта ваша война, господа!

Но война была тут, она незримо присутствовала – в таможенных пошлинах, которыми чинили друг другу препятствия отдельные страны, в карикатурах, которыми обменивались ведущие газеты, в высказываниях политиков. И все же время шло, 1870-й остался далеко позади, а осажденный Париж стал историей.

Европа шагнула в двадцатый век. Казалось, еще немного, и все как-нибудь устроится, и оптимисты в кои-то веки окажутся правы. Но тут заволновался, забродил, закипел балканский котел, где и так всегда было беспокойно. Добрые соседи, само собой, тотчас примчались тушить пожар. Кто с ведром, а кто со спичками.

– Гм... Соседушка, а зачем вам спички?

– Что вы, соседушка, какие спички? Вам померещилось!

Впрочем, на Балканах с грехом пополам разобрались, и оптимисты выдохнули с облегчением.

– Войны не будет, господа! Теперь уже – совершенно точно.

И тут...

– Последние известия! Убийство наследника австрийского престола! Покупайте нашу газету! Наследник Франц-Фердинанд убит в Сараеве!

(Кстати, обычно никто не вспоминает, что вместе с австрийским эрцгерцогом была убита и его морганатическая супруга графиня Софья Хотек. Впрочем, о ней и в те дни почти не говорили.)

Однако войну нельзя развязать просто так, даже если убит наследник престола. Сначала надо провести расследование. Только какое тут расследование, скажите на милость, если все для себя уже всё решили? Убийство произошло на территории Боснии, которую Австрия не так давно оттяпала от Сербии. Все ясно, все понятно, за убийством стоят сербы, и совершенно неважно, что никаких доказательств этого не найдено. Сербию традиционно поддерживает Россия, участница Тройственного союза наряду с Францией и Британией, направленного про-

тив Австрии и Германии. Последняя меж тем клятвенно обещает оказать Австрии помощь в любых ее действиях. И – понеслась карусель.

- Австрия предъявляет Сербии ультиматум!
- Всеобщая мобилизация в Сербии!
- Австрия объявляет Сербии войну!
- Австрийские войска обстреливают Белград!
- Всеобщая мобилизация в России!
- Германия предъявляет ультиматум России и Франции!
- Германия объявляет войну России!
- Германия объявляет войну Франции!
- Британия объявляет Германии войну!
- Франция и Британия объявляют войну Австрии!

– Последние известия! Покупайте нашу газету! Турция обстреливает русские порты в Черном море! Россия объявляет войну Турции! Сербия, Франция и Британия объявляют войну Турции!

Долго собирались тучи – и наконец разразились кровавым дождем. Мировая война. Первая, но не последняя.

Каждый день газеты приносят новые вести – о подводных лодках, которые топят военные и мирные корабли, о применении газа на фронте, о цеппелинах, которые бомбят Париж... За цеппелинами подтянутся и самолеты. Будут бомбить не только Париж, но и Лондон, и Ливерпуль. Наука, черт побери! Техника! Прогресс!

А война все не кончается. Италия, у которой давние разногласия с Австрией из-за Тироля, вступила в войну на стороне союзников, зато Австрия и Германия перетянули к себе Болгарию. Победы чередуются с поражениями, в войну влезает уже Португалия, хотя что там делать Португалии, совершенно непонятно. Цены меж тем ползут вверх, и обыватели ждут свежих газет уже не с ужасом, а с привычной тоской.

Когда же все это кончится?

Когда?

Когда?

Восточный фронт, Западный фронт... А там и верденская мясорубка – почти год ожесточенных военных действий на одном пятачке. Новые страны вступают в войну, прикидывая для себя возможные прибыли. А что? Все дерутся, и мы подеремся, чтобы победители нас не забыли. Главное, было бы что делить.

...По правде говоря, в те дни баронесса Амалия Корф упустила нить событий. Она отлично понимала, что сейчас, именно сейчас на ее глазах творится история и что происходящие события определяют лицо мира на многие годы вперед. Но то, что происходило в ее собственной жизни, на время оттеснило на второй план все, что творилось на Западном фронте, на Восточном фронте, в Дарданеллах, в подводной войне и вообще везде.

Дядя Казимир заболел. Этот невысокий кругленький человечек в жизни своей не занимался ничем стоящим, никогда нигде не работал и вообще пальцем о палец не ударил. У него не имелось ни собственной семьи, ни детей, ни сколько-нибудь значительных привязанностей. По характеру своему он был добродушный бонвиван, которого люди, склонные делить мир только на черное и белое, считали совершенно никчемной личностью, да что там – попросту паразитом. В молодости Амалия входила в их число, но, когда повзрослела, стала больше ценить и понимать дядюшку с его неосознанной тягой к свободе, с его нежеланием мириться с условностями и жить как все. Правда, все это дядюшка стремился осуществить за ее счет, так как своего состояния у него не было, но в конце концов Амалия приучилась закрывать на сей неприятный момент глаза. Потому что Казимир хотя и был человеком пустяковым и

расточительным, но тем не менее не был способен ни на подлость, ни на жестокость, ни на вероломство.

И вот теперь этот добрый, слабохарактерный, совершенно неприспособленный к житейским невздам человек заболел, и заболел тяжело. Его мучил желудок, врачи подозревали рак. Они делали все, на что была способна тогдашняя медицина, но удавалось только немного облегчить его страдания. Казимир умирал, и близкие – мать Амалии и сама Амалия – видели это. Если бы он жаловался, оглашал воздух стонами и мольбами, если бы хоть как-то выдавал, что ему плохо, они бы могли это понять; но Казимир страдал молча, безропотно, кусая губы и отворачиваясь к стене, что было ужаснее всего. Он, такой беззаботный и так любивший жизнь во всех ее проявлениях, теперь, умирая, проявлял настоящую высоту духа, и Амалия в который раз думала: как мало мы знаем даже о самых близких людях, и до чего на самом деле противоречива человеческая натура.

Она вызывала к постели больного лучших врачей, добилась даже того, что Казимира осмотрел придворный лейб-медик, но дядюшке не становилось легче. Тогда Амалия вспомнила о профессоре, европейском светиле, который специализировался на желудочных болезнях. Одна незадача: профессор жил в Швейцарии, а в условиях войны путь от Английской набережной, где располагался особняк баронессы, до Швейцарии обещал быть неблизким.

– Он не доедет, – с тревогой покачала головой Аделаида Станиславовна, мать Амалии.

– Значит, мы поедем с ним, – сказала Амалия.

– Может быть, я поеду, а ты останешься в Петербурге? – предложила мать.

Обе женщины не любили новое название столицы – Петроград, оно резало им слух. В начале войны с немцами российские власти не нашли ничего умнее, как переименовать главный город страны, чье имя звучало слишком по-немецки.

Амалия задумалась. По правде говоря, у нее не было никакого желания сидеть на месте. Оба ее сына воевали, а совсем юная дочь Ксения, которая с детства до смерти боялась вида крови, отправилась в госпиталь сестрой милосердия. На первой же операции девушка упала в обморок, но потом сумела взять себя в руки и помогала врачам, перевязывала раненых и вообще старалась делать что могла.

– Ксения останется здесь, она уже достаточно взрослая, – сказала Амалия наконец. – А мы повезем Казимира. Добираться в нынешних условиях будет нелегко, наверняка возникнут разные сложности... Я боюсь, что ты одна не справишься.

Баронесса тогда еще не знала, что уезжает навсегда и что ей уже никогда не увидать ни свой особняк на Английской набережной, ни сад, многие растения в котором она посадила собственными руками, ни Петербург, ни Россию. Потом, уже потом, когда Амалия поймет все, все до самого конца, ей часто будет сниться поезд, свист локомотива, то, как она подняла вуалетку, садясь на место у окна. Даже тогда тень предчувствия не коснулась ее души – если говорить о настоящем предчувствии, а не о том, которое выдумывается задним числом, чтобы оправдать предшествующие события. Впрочем, в тот момент она была не способна думать ни о чем, кроме дядюшки Казимира и его болезни.

Путь до Швейцарии был долг и труден, и несколько раз испуганным женщинам казалось, что страдалец действительно не доедет, скончается в дороге. Но все обошлось. Профессор с седой бородкой и прищуренными глазами под стеклами пенсне осмотрел и выслушал больного и не стал сразу обнадеживать, однако дал понять, что все, возможно, не так страшно.

– Полагаю, это все-таки запущенный случай язвы... Ведь ваш дядя, баронесса, ни в чем себе не отказывал? Гм... Ну что ж, будем лечить...

Воспрянув духом, Амалия решила оставить дядю на попечении матери, а сама вернуться в Петроград. Но Аделаида Станиславовна воспротивилась и привела тысячу доводов против этого. По правде говоря, она просто боялась остаться с больным братом одна. В присутствии дочери женщина всегда чувствовала себя спокойнее.

Медленно, но верно Казимир пошел на поправку. Это был конец 1916 года. Битва под Верденом завершилась победой французов, и в газетах впервые заговорили о возможном перемирии. Кроме того, престарелый австрийский император недавно умер, и появилась надежда, что новое австрийское правительство пойдет на уступки.

– Все скоро кончится, – твердила помолодевшая Аделаида Станиславовна, улыбаясь брату. – И война, и твоя болезнь. А потом мы поедем домой!

Казимирчик молчал, но он тоже был рад, что проклятой войне скоро конец. Откровенно говоря, то, что творилось в Европе, наводило на него смертельную тоску. И в мирной нейтральной Швейцарии он стал выздоравливать не только благодаря мастерству профессора (которому Амалия заплатила большие деньги), но и потому, что здесь мало что напоминало о войне.

Но война не кончилась: США, разъяренные тем, что немцы периодически топили своими подлодками их корабли, приняли сторону союзников. Обрадовавшись, те отвергли предложения немцев о мирных переговорах. Однако вскоре события приняли совершенно неожиданный оборот.

– Революция в Петрограде! Последние новости! Покупайте нашу газету! В России революция!

В тот день у Аделаиды Станиславовны был большой соблазн спрятать газеты куда-нибудь подальше. За обедом она промолвила небрежным тоном:

– Кажется, в России беспорядки.

Увидела помрачневшее лицо дочери и мысленно выругала себя за то, что вообще заикнулась об этом.

– Ничего толком не известно, – сказала Амалия. – Разве что в Женеве кто-нибудь уже знает, что происходит.

– А при чем тут Женева? – спросил Казимир, тяжело вздыхая. Вид у него был унылый, потому что жестокосердный профессор разрешал ему на обед только яйца всмятку. И никакого шампанского.

Амалия метнула на него хмурый взгляд.

– Женева – это шпионское гнездо, – буркнула она. По своей прежней работе в Особой службе Амалия была одно время связана с разведкой, и в данной области для нее не имелось тайн.

– Во всяком случае, – вмешалась Аделаида Станиславовна, – я думаю, что нам пока не стоит волноваться, раз мы еще ничего не знаем.

Последующие дни принесли новые вести, и лицо Амалии, когда она читала газеты, становилось все мрачнее и мрачнее, а на переносице залегли тонкие морщинки. Царь Николай подписал отречение на станции с символическим, да что там – пророческим названием Дно. В России образовано Временное правительство, которое возглавил некто Керенский.

Позвольте, Керенский? Болтун, морфинист, петрушка?

– Это неслыханно! – бушевала Амалия, широкими шагами меряя гостиную. – Умные вроде бы люди – Милюков и компания, а выдвинули никчемного дурака! Лишь бы не давать власть кому-то поумнее, из страха, что он может ее забрать себе, а их оставит ни с чем...

Аделаида Станиславовна ходила за ней, утешала, пыталась успокоить, как все матери. Тут наверняка какой-то тонкий расчет, который им неизвестен... Даже если Керенский неумен, ему наверняка помогут умные советники... Вот увидишь, все будет хорошо! У России много друзей, они ее не оставят, тем более сейчас, когда война...

– В политике не бывает друзей, – отрезала Амалия. – Есть только враги врагов.

И, словно чтобы подтвердить ее слова, Германия пошла ва-банк, разыгрывала козырную карту. Карта эта называлась так: «все средства хороши, чтобы вывести одного из союзников из войны». А там, глядишь, удастся и с оставшимися разобраться.

О каком именно союзнике шла речь, спросите вы? Да о том, где власть менее всего стабильна. Дунь на нее, и начнется всеобщий разброд.

В апреле некий господин в кепочке пересек в plombированном вагоне территорию Германии и заявился в Петроград. У господина были деньги, которые ему дали немцы, были большие связи среди революционеров, и господин без промедления принялся за дело. Тем делом был захват власти, а также вывод России из войны в качестве уступки тем, кто посадил его в plombированный вагон и снабдил всем необходимым.

Об этих обстоятельствах Амалия узнала уже позже. Пока же ей было ясно одно: в России творится нечто, что вряд ли кончится добром.

В войсках союзников тоже началось брожение, отдельные части отказывались идти на фронт. Но то было ничто по сравнению с вестями, которые приходили из Петрограда. От обеих сыновей Амалия уже давно не получала ни строчки, и ее душу томили самые скверные предчувствия. К тому же Амалию мучило, что она оставила дочь одну в Петрограде. Конечно, там много знакомых и Ксении есть к кому обратиться за помощью, но... но...

– Я хочу, чтобы она приехала в Швейцарию, – сказала баронесса. – Здесь безопаснее.

– Вряд ли девочка оставит госпиталь, – осторожно заметила Аделаида Станиславовна. – Ты же знаешь ее характер. Если ты пошлешь ей телеграмму и вызовешь ее сюда, она просто не послушается.

– Значит, – сухо заключила Амалия, – мне придется тяжело заболеть.

И баронесса отправила Ксении две телеграммы: одну – обычным путем, другую, на всякий случай, – через французское посольство, в которых говорилось, что она серьезно заболела и нуждается в помощи. Одну из телеграмм Ксения получила и даже успела ответить, что постарается поторопиться.

Она выбралась из России за два дня до второй революции. Господин в кепке все-таки довел свою миссию до конца и отправил петрушку туда, где тому было самое место – в ящик для отыгравших свое кукол. Вскоре после этого новый правитель России заключил перемирие с немцами, которые получили бесценную возможность перебросить свои войска на Западный фронт.

Ксения добралась до Швейцарии в канун Нового, 1918 года. На всю жизнь она запомнит праздничную суету, волшебный запах елок и гирлянды игрушек, продававшиеся на каждом углу. А среди всего – лицо матери, которая постарела разом на много лет, и ее необыкновенные глаза, с которыми она бросилась дочери навстречу.

– Ты приехала, боже мой, ты здесь! Какое счастье!

Амалия разрыдалась.

Они наплакались, и баронесса стала расспрашивать Ксению о том, что та видела в Петрограде и потом, когда ехала сюда. Из сбивчивых рассказов дочери Амалия поняла, что власти полностью выпустили ситуацию из-под контроля. В стране царил бешеная дороговизна, за продуктами питания выстраивались очереди, в армии разброд и неразбериха, а Керенский умел только произносить речи и наводнил Россию спешно отпечатанными деньгами, которые стремительно падали в цене. Неудивительно, что большевики так легко смогли от него избавиться.

– Некоторые из слуг вдруг без всякой причины сделались грубы... – Ксения покраснела. – Я забрала кое-какие вещи из нашего особняка... мне было боязно их там оставлять.

Баронесса взглянула на вещи, которые дочь вывезла из Петербурга, и улыбнулась. Несколько книг, маленькая картина, альбомы с фотографиями... и две шкатулки с ее драгоценностями. Ай да Ксения! Не так уж девочка наивна, как всегда казалось.

– Главное, что ты здесь, – сказала Амалия. – Теперь надо подумать над тем, как бы вытащить из России семью Михаила (Михаил был ее старший сын). Я послала им уже штук двадцать телеграмм, чтобы они бросали все и ехали к нам, но до сих пор не получила ответа.

– Телеграф почти не работает, – ответила Ксения. – Ко мне дошла только одна твоя телеграмма, которую передал господин из французского посольства.

По правде говоря, несколько телеграмм Амалии все же были получены, однако жена Михаила и ее родители вовсе не торопились собирать вещи и выбираться из России. Как и многим другим, им казалось, что вот-вот революция как-нибудь сама собой рассосется, большевиков сместят и все вернется на круги своя. Однако когда начались аресты, повальные обыски и расстрелы, стало понятно, что жизнь тех, кто хоть чем-нибудь не угодил новому режиму, висит на волоске. А ему не нравились все, кто хоть что-то значил при прежнем режиме.

Из России начался Великий Исход. Бежали банкиры и адвокаты, писатели и ученые, музыканты и кокотки, князья и мелкопоместные дворяне. Бежали теноры, модистки, генералы и куплетисты, градоначальники и полицейские, учителя гимназий и преподавательницы Смольного института. Бежали старые и молодые, мужчины и женщины, увозя с собой детей. Бежали через Финляндию и Польшу, то есть через бывшие провинции великой империи; бежали через Батум и Китай, через Крым и Одессу; бежали по суше и по воде, проявляли чудеса изворотливости, переходили по тонкому льду замерзшие реки... А между тем...

А между тем мировая война в Европе подошла к концу. Австрийский император был вынужден отречься от престола, немецкий сопротивлялся до последнего, но уже ничего не решал. Франция получила обратно Эльзас и Лотарингию, Австро-Венгрия распалась на несколько государств. Казалось, мир наконец-то вздохнет спокойно. Но в это же время в России разгоралась самая страшная из всех войн – война гражданская, потому что не всем пришлось по вкусу обещания мира и спокойствия, подкрепленные обысками и расстрелами. Генералы Деникин и Врангель собрали Добровольческую армию, в Сибири восстание возглавил генерал Колчак. И как будто мало было того, что воюют красные и белые, повсюду в провинции поднялись банды, чье занятие было одно: убивать и грабить.

Да еще голод... и тиф...

Однако даже в этих условиях большевики не отдали власть. Слишком дорого она им досталась, чтобы расставаться с ней просто так. И, чтобы окончательно обезопасить себя от попыток реставрации предыдущего режима, они истребили всех членов царской семьи, до кого сумели дотянуться. Включая женщин и детей.

В 1918 году с фронта вернулся второй сын баронессы, Александр, который воевал вместе с английскими войсками во Фландрии и был там тяжело ранен. Через некоторое время Амалия получила сведения, что ее старший сын вместе с отцом находится в частях Добровольческой армии, которые через Крым отступили в Константинополь. Она сразу же собралась и вместе с Ксенией, которая сама вызвалась ехать с ней, отправилась туда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.